

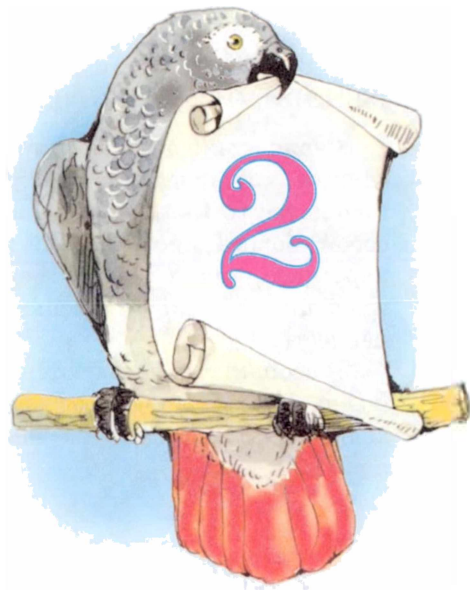
Школьная

библиотека

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ
ТВОРЧЕСКИЙ ДОМ „O‘QITUVCHI“
ТАШКЕНТ — 2011

УДК: 372.882
ББК 74.200.585.00
В 60

Составитель **О. Э. Вульф**

Художник **Г. Г. Жирнов**

74.200.585.00
В 60

Внеклассное чтение, 2/ Сост. О. Вульф, худ. Г. Жирнов. 2 изд. - Ташкент: ИПТД „O‘qituvchi“, 2011. - 192 с. - (Школьная библиотека)

И. Вульф О.Э., сост.

ISBN 978-9943-02-227-0

Серия книг детской литературы „Внеклассное чтение“ составлена по числу классов начальной школы (всего 4 книги). Каждая книга представляет собой сборник произведений как хрестоматийного характера, так и менее известных произведений, имеющих, однако, не меньшую художественную ценность.

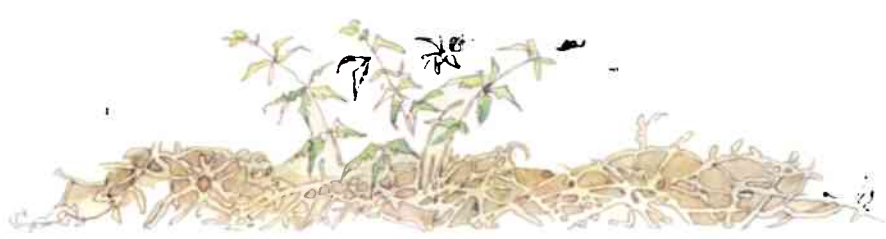
В сборнике используются произведения, не вошедшие в школьную программу, но которые необходимо знать каждому изучающему русский язык и литературу.

УДК: 372.882
ББК 74.200.585.00

В 4803010205 - 14 тем. план — 2011
353 (04) - 2011

ISBN 978-9943-02-227-0

© ИПТД „O‘qituvchi“, 2009.
© ИПТД „O‘qituvchi“, 2011.

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!

Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят!

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает, как мяч.

* * *

Мама! Глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!

Словно кто-то тороватый¹
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
„Ну, скорей гулять!“

¹ Тороватый — щедрый.

* * *

Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
„Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай“.

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

* * *

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды¹ пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, в красном кушаке.

¹ *Бразды* — здесь: борозды.

Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало;
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

* * *

**Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.**

**И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.**

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

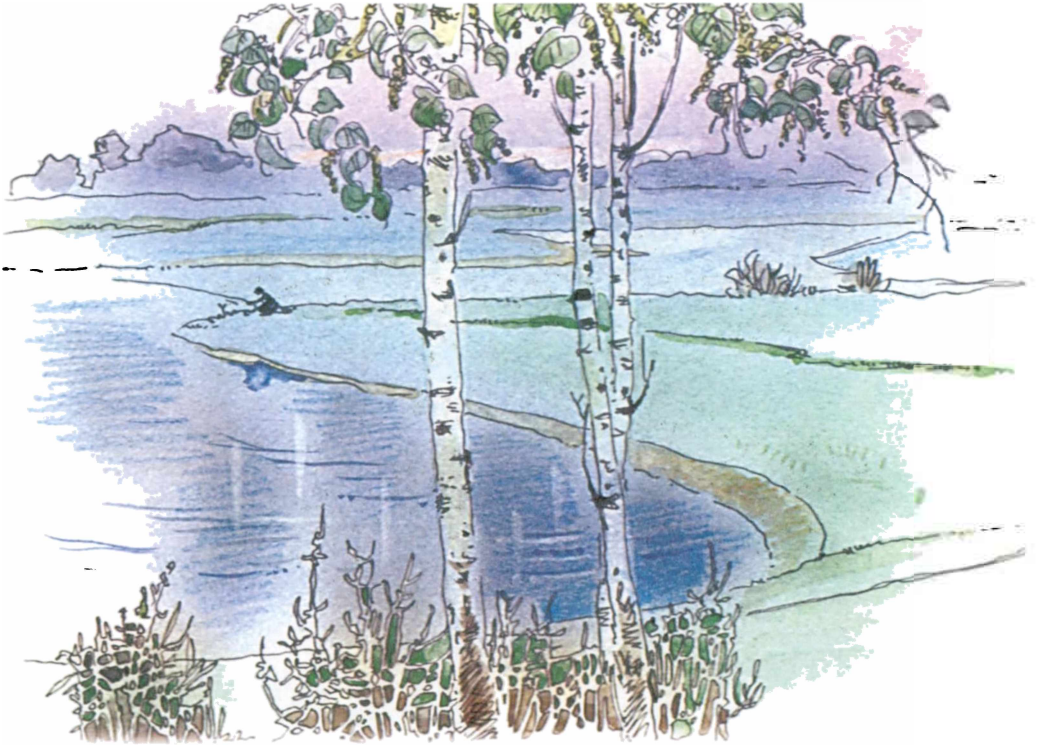
ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят...
Они гласят во все гонцы:
„Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!“
Весна идёт, весна идёт!

И тихих тёплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

С. А. Есенин

С ДОБРЫМ УТРОМ!

**Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брежит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.**

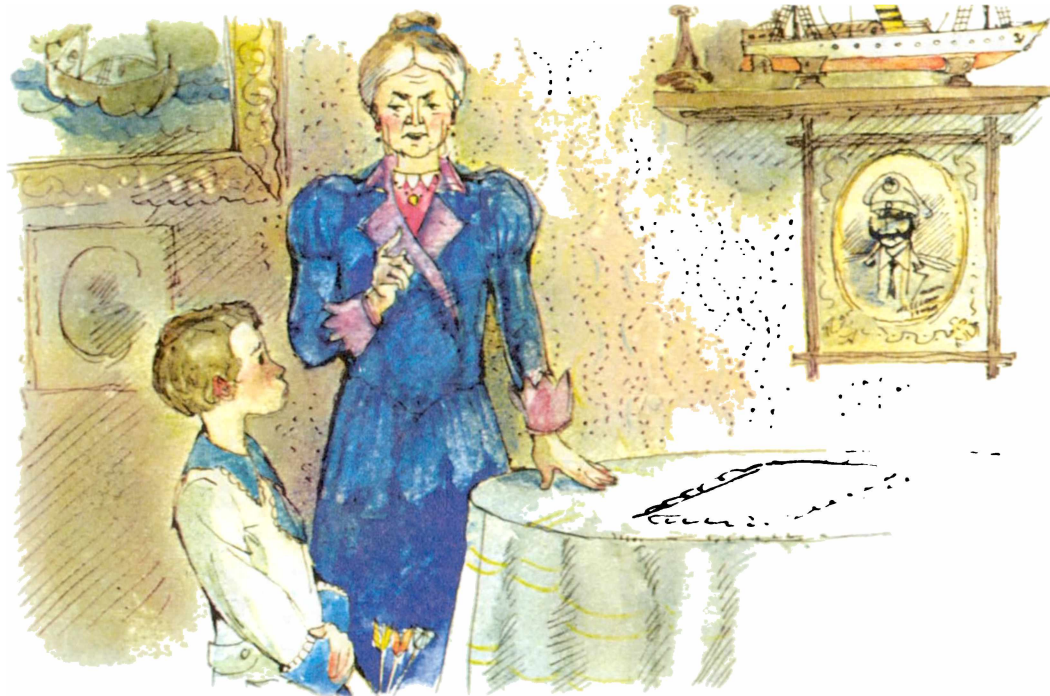
**Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.**

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
„С добрым утром!“

СПРАВА
ДЕТСТВА

Борис Житков

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке парходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На

носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать. А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка! — И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я прятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки, знают, что я поглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно парходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел парходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на парходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на парходике. И вот будто дверка приот-

крылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на парходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходе на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и

положил леденец у самой дверки на парходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на парходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на парходик. Леденец, как был, — на месте. Ну да! Дураки они днём браться за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домишке из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них на парходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему парходоиду. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот я решил непременно взять парходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки — всё лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору!

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: „Я сейчас вернусь, живым духом“.

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу, руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются. Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с паро-

ходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу туда в серёдку рукой — прихлопнуть. Хоть один, да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. Под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Все криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало.

Я кой-как приткнул палубу на место и поставил парходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я.— Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревёшь да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала парходика.

Евгений Пермяк

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы,— говорит один,— на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо,— мечтает второй.— Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего на Луну полететь,— говорит третий мальчик.— Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку.

Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точённый. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить

по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссеюную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

Леонид Пантелеев

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живёт, и кто его папа и мама. В потёмках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких лямочках, которые перекидываются через плечи и застёгиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашёл в садик,— я не знаю, как

он называется,— на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошёл к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шёл очень быстро. Вдруг я остановился. Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку — там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около её стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошёл и окликнул его:

— Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Ничего.

— Как это ничего? Тебя кто обидел?

— Никто.

— Так чего ж ты плачешь?

Ему ещё трудно было говорить, он ещё не проглотил всех слёз, ещё всхлипывал, икал, шмыгал носом.

— Давай пошли,— сказал я ему.— Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

— Не могу.

— Что не можешь?

— Идти не могу.

— Как? Почему? Что с тобой?

— Ничего,— сказал мальчик.

— Ты что — нездоров?

— Нет,— сказал он,— здоров.

— Так почему ж ты идти не можешь?

— Я — часовой,— сказал он.

— Как часовой? Какой часовой?

— Ну, что вы — не понимаете? Мы играем.

— Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

— Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик всё-таки болен и что у него голова не в порядке.

— Послушай,— сказал я ему.— Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь — с кем?

— Да,— сказал мальчик.— Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: „Хочешь играть в войну?“ Я говорю: „Хочу“. Стали играть, мне говорят: „Ты сержант“. Один большой мальчик... он маршал был... он привёл меня сюда и говорит: „Тут у нас поро-

ховой склад — в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю“. Я говорю: „Хорошо“. А он говорит: „Дай честное слово, что не уйдёшь“.

— Ну?

— Ну, я и сказал: „Честное слово — не уйду“.

— Ну и что?

— Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.

— Так,— улыбнулся я.— А давно они тебя сюда поставили?

— Ещё светло было.

— Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

— Я думаю — они ушли.

— Как ушли?

— Забыли.

— Так чего ж ты тогда стоишь?

— Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось — хоть лопни. А игра это или не игра — всё равно.

— Вот так история получилась! — сказал я ему.— Что же ты будешь делать?

— Не знаю,— сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул, взяли с

него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдёшь, этих мальчишек?..

Они уж небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

— Ты, наверно, есть хочешь? — спросил я у него.

— Да,— сказал он,— хочу.

— Ну, вот что,— сказал я, подумав.— Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

— Да,— сказал мальчик.— А это можно разве?

— Почему же нельзя?

— Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

— Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чём же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: „Подожди минутку“,— а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдёт ли

мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то чёрные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошёл высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелёными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел — за углом, на трамвайной остановке — защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу — к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запыхавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

— В чём дело?

— Видите ли, в чём дело,— сказал я.— Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит маль-

чик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

— При чём же тут я? — сказал он.

Трамвай его ушёл, и он смотрел на меня очень сердито. Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чём дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

— Идёмте, идёмте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять — но на этот раз очень тихо — плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

— Ну вот, я привёл начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

— Товарищ караульный,— сказал командир,— какое вы носите звание?

— Я — сержант,— сказал мальчик.

— Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

— А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звёздочек...

— Я — майор,— сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

— Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроём выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

— Молодец, товарищ сержант,— сказал он.— Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: „До свидания“.

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

— Может быть, тебя проводить? — спросил я у него.

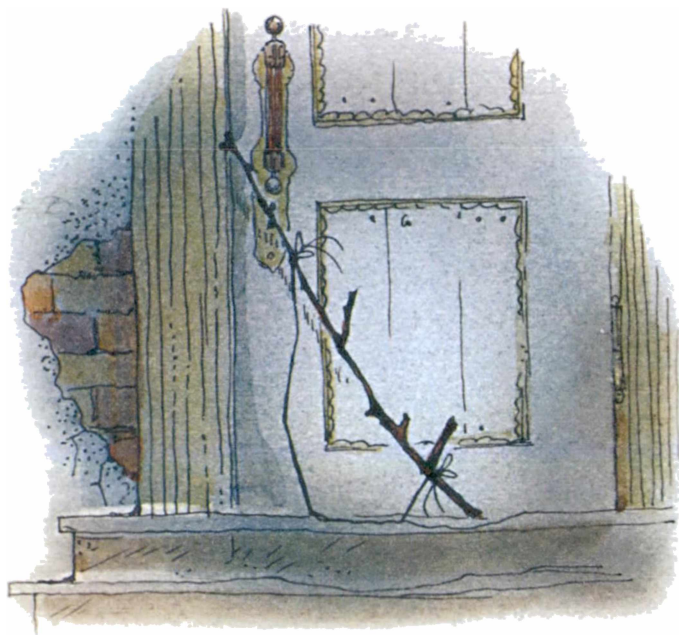
— Нет, я близко живу. Я не боюсь,— сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Ещё не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

Валерий Медведев

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВЕЛИКАН

Говорят, что глаза — это зеркало души.

У Коли Снегирёва зеркалом души были не глаза, а причёска. Волосы у Коли ёжиком — и в душе он ершистый и колючий, как ёжик.

А что Снегирёв фантазёр — по внешнему виду уже не скажешь: это у него где-то в самой глубине спрятано, как клад в земле.

А вот что Коля ленивый — сразу видно: никогда никуда не торопится и не спешит. Даже в кино. И чем быстрее требуется что-нибудь сделать, тем медленнее он это делает. Все эти слова имеют не послед-

нее отношение к тому, что дальше с Колей Снегирёвым случится.

А пока не случилось, Коля живёт у своей старенькой бабушки на подмосковной даче. Живёт и ничего не хочет делать ни по участку, ни по дому: ни дорожки подмести, ни огород полить, ни забор починить, ни мусор убрать.

Ещё в дачном посёлке живёт неподалёку от Снегирёва Коли девочка Груня Свиридова. У неё и в доме и на участке идеальный порядок. А снегирёвская дача, считает она, своим неряшливым и неухоженным видом портит весь дачный посёлок.

Как-то раз здоровяк Костя Пенкин проходил вместе с Груней мимо снегирёвской дачи. А Коля Снегирёв в это время всем прохожим строил всякие смешные рожи и гримасы. На что, на что, а на это у Снегирёва всегда хватало сил и времени. А Груне и Косте он вдобавок ещё и язык показал. И пять растопыренных пальцев к носу приставил. А затем изобразил на своём лице бульдога.

Тогда Костя Пенкин сказал:

— Да надавать этому Снегирию подзатыльников, сразу же порядок у себя наведёт!..

Груня тоже покачала укоризненно головой и пошла с Пенкиным дальше. И никто не успел заметить, что Снегирёв после этих слов задумался, словно что-то хотел ответить Пенкину, а потом передумал и начал изобретать какую-то каверзу в голове.

Весь день и вечер задумчивый Снегирёв с хитрым выражением лица что-то мастерил и красил на

чердаке, а во дворе появлялся весь перепачканный синей краской. И ещё зачем-то тайком и украдкой бегал на берег реки уже почти ночью.

И лень как рукой сняло с Коли на это время.

А утром, пока ещё все спали, Снегирёв повесил на верёвку сушиться большущие майку и трусы, сшитые из двух старых простыней, раскрашенных синей краской в полоску. Бельё было таких размеров, что даже взрослые, спешившие мимо снегирёвской дачи на утреннюю электричку, на ходу оглядывались: „Великан, что ли, в гости к Снегирёвым приехал?“

Обратила внимание на эту гигантскую тельняшку с трусами и Груня, пробегая в магазин за молоком. Обратил внимание и Костя Пенкин, проезжая на велосипеде к базару. Специально приходили посмотреть на такую невидаль девчонки и мальчишки с самой окраины посёлка. Никогда никто из них не видел такой огромной майки и таких большущих трусов.

А Коля Снегирёв как ни в чём не бывало стоял у забора и хитро-прехитро улыбался, довольный произведённым впечатлением.

— И что это значит? — спросила Груня у Снегирёва.

— Это значит,— сказал Коля,— что к нам с бабушкой в гости приехал великан...— При этом он хитро посмотрел на здоровяка Пенкина и даже подмигнул ему: кто это собирался мне надавать подзатыльников? Уж не этот ли Пенкин, который сейчас прячется за Грунькину спину?..

Долговязая Зина Коврова переглянулась с друзьями и сказала:

— Ах, великан приехал?! Значит, он вскопает наконец-то снегирёвский огород, починит крышу и наведёт порядок во дворе.

— А где сейчас-то твой великан? — спросил Пенкин, выглядывая на всякий случай из-за Грунькиной спины.

— Спит, — понизив голос, сказал Коля и хитро заулыбался. — Вы теперь не орите и в громкие игры не играйте и разговаривайте потише, а то он не любит, когда ему мешают спать... И вообще... детские голоса ему на нервы действуют...

— Ой, ребята, — сказала Груня, — давайте теперь между собой разговаривать только шёпотом. А то и вправду Колин великан рассердится.

Но говорила она об этом почему-то громко и даже рассмеялась.

После этого ребята всей гурьбой пошли купаться на речку. А хитрый Снегирёв, между прочим, ночью на берегу сделал большим камнем следы огромных ступней, как будто и вправду к нему в гости великан приехал. И даже уже позагорал на песке. И даже искупался.

А когда ребята возвращались обратно, то Коля прежнему стоял у забора, но трусов великана и майки на верёвке не было.

— Где же твой великан-то? — спросил Пенкин Снегирёва.

Его больше всех заинтересовал Колин гость. Видно было, он жалел, что пригрозил Коле подзатыльником. Может, к этому Снегирёву и вправду кто-нибудь вроде снежного человека приехал?..

А Снегирёв с ответом на вопрос нарочно не торопился.

— „Где? Где?..“ — передразнивал он Пенкина на разные голоса.— Где?.. За грибами пошёл,— сказал он наконец, улыбаясь и гримасничая.

Женя Смирнов поправил очки, посмотрел в сторону речки и сказал вполне серьёзно:

— То-то в лесу грибов не стало...

И сколько бы раз потом ни проходили ребята мимо дома Снегирёвых, всё там было по-прежнему: огород был не вскопан, крыша не починена, а во дворе беспорядок. А великан, по словам Коли, то купался, то ходил по грибы, то где-то загорал...

— Видно, твой великан такой же лентяй, как и ты,— заметил однажды Смирнов, поправляя очки.

— Да врёт он всё,— пропищала Зина Корзинкина,— и никакой великан к нему в гости не приезжал! И вообще великаны только в книжках бывают...

Этот разговор произошёл вечером, когда ребята шли на волейбольную площадку и задержались возле снегирёвской дачи.

Потом с площадки ещё долго доносился стук мяча, смех и голоса...

В сумерках Коля Снегирёв залез на чердак, отыскивал там старую трубу от бабушкиного граммофона и, при-

ставив её к губам, крикнул в темноту диким голосом великана:

— Эй, вы там, потише! Спать мешаете!..

Голос Коли, многократно усиленный трубой, вероятно, произвёл впечатление. На площадке стало потише.

В эту ночь Снегирёв долго не мог уснуть. Всё думал, как ещё доказать ребятам, что великан действительно гостит у него на даче? И додумался...

Вылез тихо из окна. Взял лопату и стал перекапывать огород, убирать картошку, собирать с деревьев яблоки и вообще наводить порядок во дворе. Но конечно, и половины всего сделать не успел. К утру он заснул под яблоней.

А когда проснулся, ни рукой, ни ногой шевельнуть не смог. Лежит и думает: „Вот угораздило меня придумать этого проклятого великана. Вроде из-за него волдыри на ладонях набил“.

С травы его поднял Грунин голос.

— А великан-то, видно, и вправду гостит у вас на даче,— сказала она из-за забора.— Вон сколько дел сделал!..

Рядом с Груней, как всегда, стояла орава дачных мальчишек и девчонок. Все они с удивлением разглядывали участок, на котором потрудились великан. Снегирёвскую дачу было просто не узнать. Хотя беспорядок кое-где ещё оставался.

— А сейчас-то он где? — спросил про великана Смирнов, поправляя очки.

— Надорвался и уехал,— тихим и хриплым голосом объяснил Снегирёв. У него не было сил даже разговаривать.

— Ладно,— сказала Груня,— так и быть! Что великан не успел сделать — мы с ребятами доделаем...

И всё доделали, да так здорово, что когда бабушка проснулась и вышла из дому, она не узнала свою дачу.

— Это всё великан сделал,— объяснила ей Груня.— Который к вам в гости приезжал. Нам о нём Коля говорил.

Тут уж бабушка заулыбалась и тоже хитро спросила:

— А где же он, этот великан, сейчас?

Груня засмеялась, переглянулась с ребятами и сказала:

— А великан, бабушка, вот он, перед вами,— и обвела взглядом всех мальчишек и девчонок.— Это мы по отдельности мальчишки и девчонки, а все вместе мы — великан!

Бабушка на радостях стала угощать великана румяными яблоками. Всех угостила, кроме Коли. И вдруг Груня взяла и отдала своё яблоко Снегирёву. Тогда только бабушка поняла, что Коля-то её тоже, оказывается, имеет отношение к великану. И ещё больше обрадовалась.

Похрустев аппетитно яблоками, великаний отряд, смеясь и переговариваясь, двинулся дальше по своим великаньим делам.

А Коля Снегирёв, как всегда, остался стоять за забором, уцепившись за штакетник. А потом как подует

на мозоли да как побежит со всех ног в сарайчик! Там он быстро нашёл длинный шест, а к нему привязал полосатую майку, что когда-то сушилась на верёвке. С шестом в руках Коля выбежал на дорогу. На дачном ветру майка сразу же затрепыхалась, как знамя. Со знаменем наперевес Снегирёв побежал вслед за великаном, за ребятами.

Вот и конец всей этой истории про великана. Впрочем, какой уж там конец?! Это же только начало!..

Радий Погодин

(Из книги „Кирпичные острова“)

КТО НАГРЕЛ МОРЕ

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Чёрное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путёвку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: „Чёрное море не такое, как наше — Балтийское. Оно громадное и очень тёплое“. Ещё они говорили, что по Чёрному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией... Кешка был страшно горд оттого, что всё это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра, — так ему хотелось увидеть Чёрное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они отправились на пляж.

Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посередине сверкало золотым, розовым и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку и даже трусики. Но мама сказала:

— Подожди, нужно воду попробовать. — Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой. — Холодная вода, Кешка. Купаться ещё нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала, но вода всё-таки холодная. Зато круглые камушки, которыми усыпан весь пляж, были тёплые. Эти камушки назывались смешно: галька.

Солнце висело ещё низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

— Ложись загорай, утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и всё смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, а Кешка принялся собирать гальку. Камушки были очень красивые и все, как один, тёплые.

„А что, — подумал Кешка, — если эти камушки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться“. Он пошёл к берегу и бросил в море камень. Потом ещё и ещё.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что он просто балуется — пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

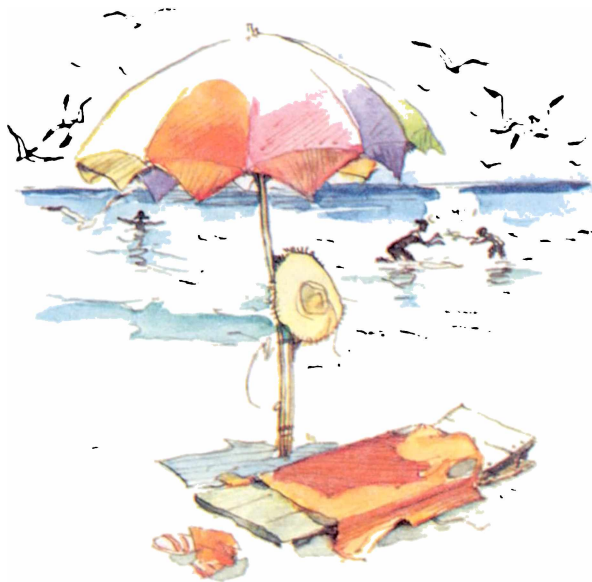
Солнышко поднималось всё выше. Камушки становились всё горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назывались — „барашки“, — закатывались на берег и тихо, одобрительно шуршали: „Пррравильно, малышшшш...“

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

— Ну вот, — сказала она, — теперь вода в самый раз, можно купаться... Солнышко постаралось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь ей ошибиться.

НЕПРИЯТНОСТЕЙ НЕ ОБЕРЁШЬСЯ

Утром Кешку разбудили мамины холодные руки. Кешка ёжился, залезал поглубже под одеяло. Но руки настигали его и там.

Мама приговаривала:

— Вставай, соня, зима!.. Белые мухи прилетели.

Кешка высунул голову из-под одеяла.

— Обманываешь, белых мух и не бывает.

Мама повернула его голову к окну, и он увидел, что за стеклом медленно летят крупные белые хлопья. Они кружатся, обгоняют друг друга, садятся на голые ветки большой липы.

Кешка в одних трусах побежал к окну. Улица белым-бела. И трамваи, и автобусы, и „победы“ и ЗИМы — все в белых накидках. У прохожих, которые остановились почитать газету, появились на плечах пушистые белые воротники.

— Снег!.. — закричал Кешка. А мама засмеялась.

* * *

Было воскресенье, и Кешка сразу же после завтрака помчался во двор повидать Мишку, главного своего друга, который учился на два класса старше. И ещё надо было поговорить с Круглым Толиком, но... Первой, кого Кешка встретил во дворе, оказалась Людмила. По правде сказать, Кешка не очень-то хотел с ней встречаться. Она вечно дразнилась: Кешка-Головешка... А попробуй за ней погнаться, — пулей влетит в свою парадную и заорёт на весь дом: „Маа-маа!“

В другой день Кешка прошёл бы мимо Людмилки, не стал бы с ней даже разговаривать. Он так и хотел сделать, но язык сам по себе взял и сказал:

— Людмила, я всё про снег знаю! Что!..

— Я тоже знаю, — ответила Людмила и поймала на варежку большую снежинку. — Снег — это такие звёздочки.

— А вот и нет!.. Снег — это замёрзлая вода. С тёплых морей к нам прилетают облака, туманы и здесь от мороза превращаются в снег.

— Врёшь, — насупилась Людмила, — всё врёшь.

Кешка взял Людмилину руку и поднёс к своему лицу.

Звёздочка дрожала на длинных шерстинках, вот-вот улетит. У неё было много лучей, некоторые напоминали копыя, а некоторые — еловые ветки.

— Кто же из воды такую сделает? — победно прошептала Людмилка.

Тогда Кешка широко открыл рот и легонько, чтобы звёздочка не улетела, стал дуть... Острые концы у копий затупились, еловые ветки начали вянуть, опадать... Звёздочка съёжилась, подобрала свои лучи под себя и вдруг превратилась в блестящую круглую каплю...

— Вот, не верила... — поднял голову Кешка.

Глаза у Людмилки стали синими, как вода, в которой подсиняют бельё. Она топнула ногой и закричала:

— Ты зачем на мою варезку наплевал?!

— Ты что? — возмутился Кешка.— Просто снежинка растаяла.

Людмилка и сама это видела, но что поделаешь, характер у неё был такой никудышный.

— Нет, наплевал, — твердила она. — Хулиган...

— Это я хулиган?— рассердился Кешка. — Тогда ты... ты... — Он ещё не придумал, что сказать, а Людмилка уже выпалила:

— Кешка-Головешка!..

Кешка был мальчишка такой, как и все. И ему пришла в голову мысль такая, как и всем мальчишкам, когда их дразнят или оскорбляют. Он сжал кулаки и шагнул вперёд.

— Ах так, Людмилка... Вот я тебе сейчас задам...

Но не тут-то было. Людмилка, словно мышь, юркнула в свою парадную и, задрав голову, заголосила:

— Ма-а-ма-а!.. Меня Кешка бьёт!..

На крик к парадной прибежали Мишка и Круглый Толик.

— Ты ей правда поддал? — спросил Мишка.

— За что? — поинтересовался Толик.

— Не успел ещё, — огорчённо признался Кешка. — Дразнится всё время... И ещё врёт...

Тут Людмила высунула голову из парадной и скучным голосом прокричала:

— Хулиган!.. Ты зачем мне на варежку наплевал?..

Мишка и Толик посмотрели на Кешку. Оба удивлённо подняли брови.

— Опять врёт... Ничего я не плевал. — И Кешка рассказал про снежинку.

— Н-да... — произнёс Мишка и посоветовал: — Слышишь, ты с девчонками лучше не связывайся, с ними всегда неприятностей не оберёшься...

— Ну уж... — возразил Толик, — есть ведь, наверно, хорошие девчонки на свете.

— За всю жизнь не встречал, — заявил Мишка.

— А все мальчишки хулиганы!.. — прокричала Людмила из своей парадной. Но мальчишки сделали вид, будто это их не касается.

Виктор Драгунский

(Из книги „Денискины рассказы“)

КУРИНЫЙ БУЛЬОН

Мама принесла из магазина большую курицу. На голове у неё был большой красивый гребешок. Мама повесила её за окно и сказала:

— Если папа придёт раньше меня, пусть сварит. Передашь?

Я сказал:

— С удовольствием!

И мама ушла в институт. А я достал акварельные краски и стал рисовать. Я хотел нарисовать белочку, как она прыгает в лесу по деревьям, и у меня сначала

здорово выходило, но потом я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра. Белкин хвост получился, как его нос, а ветки на дереве, как волосы, уши и шапка... Я очень удивился, как могло так получиться, и, когда пришёл папа, я сказал:

— Угадай, папа, что я нарисовал?

Он посмотрел и задумался:

— Пожар?

Я сказал:

— Ты что, папа? Ты посмотри хорошенько!

Тогда папа посмотрел как следует и сказал:

— Ах, извини, это, наверное, футбол...

Я сказал:

— Ты какой-то невнимательный! Ты, наверно, устал?

А он:

— Да нет, просто есть хочется. Не знаешь, что на обед?

Я сказал:

— Вон, за окном курица висит. Свари и съешь!

Папа отцепил курицу от форточки и положил её на стол. Он сказал:

— Легко сказать — сварить! Сварить можно. Сварить — это ерунда. Вопрос, в каком бы виде нам её съесть? Из курицы можно приготовить не меньше сотни чудесных питательных блюд. Можно, например, сделать простые куриные котлеты, а можно закатить министерский шницель — с виноградом! Я про это читал! Можно сделать такую котлету на косточке —

называется „киевская“ — пальчики оближешь. Можно сварить курицу с лапшой, а можно придавить её утюгом, облить чесноком, и получится, как в Грузии, „цыплёнок табака“. Можно, наконец...

Но я его перебил. Я сказал:

— Ты, папа, свари что-нибудь простое, без утюгов. Что-нибудь, понимаешь, самое быстрое!

Папа сразу согласился:

— Верно, сынок! Нам что важно? Поесть побыстрее! Это ты ухватил самую суть. Что же можно сварить побыстрее? Ответ простой и ясный: бульон! Куриный бульон!

Папа даже руки потёр.

Я спросил:

— А ты бульон умеешь?

Но папа только засмеялся.

— А чего тут уметь? — У него заблестели глаза. — Бульон — это проще пареной репы: положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Решено! Мы варим бульон, и очень скоро у нас будет обед из двух блюд: на первое — бульон с хлебом, на второе — курица варёная, горячая, дымящаяся.

Я сказал:

— А что я должен делать?

— Вот погляди. Видишь, на курице какие-то волоски. Ты их состриги. А я пока пойду на кухню и поставлю воду кипятить.

И он пошёл на кухню. А я взял мамины ножницы и стал подстригать на курице волоски по одному. Сначала я думал, что их будет немного, но потом

пригляделся и увидел, что очень много, даже чересчур. И я стал их состригать, и старался быстро стричь, как в парикмахерской.

Папа вошёл в комнату, поглядел на меня и сказал: — С боков больше снимай, а то получится под бокс! Я сказал:

— Не очень-то быстро выстригается...

Но тут папа вдруг как хлопнет себя по лбу:

— Ну и бестолковые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл. Кончай стрижку! Её нужно опалить на огне! Понимаешь? Так все делают. Мы её на огне подпалим, и все волоски сгорят. За мной!

И он схватил курицу и побежал с нею на кухню. А я за ним.

Мы зажгли новую горелку, потому что на одной уже стояла кастрюля с водой, и стали обжигать курицу на огне. А она горела, и на всю квартиру пахло палёной шерстью. Папа поворачивал её с боку на бок и приговаривал:

— Сейчас, сейчас! Ох, и хорошая курочка! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая...

Но курица, наоборот, становилась какая-то чёрненькая, вся какая-то обугленная, и папа, наконец, погасил газ.

Он сказал:

— По-моему, она как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копчёную курицу?

Я сказал:

— Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я её вымою.

Он прямо обрадовался:

— Ты молодец! — сказал он. — Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность. Ты весь в меня. Ну-ка, дружок, возьми и вымой её хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни.

И он уселся на табурет. А я сказал:

— Сейчас, я её мигом!

И я подошёл к раковине и пустил воду, поставил под неё курицу и стал тереть её правой рукой изо всех сил. Курица была очень горячая и грязная, и я сразу запачкал свои руки до самых локтей. Папа покачивался на табурете.

— Вот, — сказал я, — что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается... Сажи очень много, кошмар.

— Пустяки, — сказал папа, — сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи? Подожди-ка!

И папа пошёл в ванную и принёс мне оттуда большой кусок земляничного мыла.

— На, — сказал он, — мой как следует! Намыливай!

И я стал намыливать эту несчастную курицу. У неё стал какой-то совсем уже дохловатый вид. Я довольно здорово её намылил, но она очень плохо отмывалась, с неё стекала грязь, стекала уже, наверно, с полчаса, но чище она не становилась.

Я сказал:

— Этот проклятый петух только размазывается от мыла.

Тогда папа сказал:

— Вот щётка! Возьми-ка, потри её хорошенько! Сначала спинку, а уж потом всё остальное...

Я стал тереть. Я тёр изо всех сил и в некоторых местах даже протирал кожу. Но мне всё равно было очень трудно, потому что курица вдруг словно ожила и начала вертеться у меня в руках, скользить и каждую секунду норовила выскочить. А папа не сходил со своей табуретки и всё командовал:

— Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! Эх ты! Да ты, я вижу, совсем не умеешь мыть курицу.

Я тогда сказал:

— Пап, ты попробуй сам!

И я протянул ему курицу. Но он не успел её взять, как вдруг она прыгнула у меня из рук и ускакала под самый дальний шкафчик. Но папа не растерялся. Он сказал:

— Подай швабру!

И, когда я подал, папа стал шваброй выгребать её из-под шкафа. Он сначала оттуда выгреб старую мышеловку, потом моего прошлогоднего оловянного солдата, и я очень обрадовался: ведь я думал, что совсем потерял его, а он тут как тут, мой дорогой.

Потом папа вытащил, наконец, курицу. Она была вся в пыли. А папа был весь красный. Но он схватил её за лапку и поволок опять под кран. Он сказал:

— Ну, теперь держись, синяя птица!

И он довольно чисто её прополоскал и положил в кастрюлю.

В это время пришла мама. Она спросила:

— Что тут у вас за разгром?

А папа вздохнул и сказал:

— Курицу варим.

Мама спросила:

— Давно?

— Только сейчас окунули, — сказал папа. Мама сняла с кастрюльки крышку.

— Солили? — спросила она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Но мама понюхала кастрюльку.

— Потрошили? — сказала она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Мама вздохнула и вынула курицу из кастрюльки.

Она сказала:

— Дениска, принеси мне фартук, пожалуйста. Придётся всё за вас доделывать, горе-повара.

А я побежал в комнату, взял фартук и захватил со стола картинку свою. Я отдал маме фартук и спросил её про рисунок:

— Ну-ка, что я нарисовал? Угадай, мама!

Мама посмотрела и сказала:

— Швейная машинка? Да?

ТРЕТЬЕ МЕСТО В СТИЛЕ БАТТЕРФЛЯЙ

Когда я шёл домой из бассейна, у меня было очень хорошее настроение. Мне нравились все троллейбусы, что они такие прозрачные и всех видать, кто в них едет, и мороженницы нравились, что они весёлые, и нравилось, что не жарко на улице, и ветерок холодит мою мокрую голову. Но особенно мне нравилось, что я занял третье место в стиле баттерфляй и что я сейчас расскажу об этом папе, — он давно хотел, чтобы я научился плавать. Он говорит, что все люди должны уметь плавать, а мальчишки особенно, потому что они мужчины. А какой же это мужчина, если он может потонуть во время

кораблекрушения или просто так, на Чистых прудах, когда лодка перевернётся?

И вот я сегодня занял третье место и сейчас скажу об этом папе. Я очень торопился домой, и, когда вошёл в комнату, мама сразу спросила:

— Ты что так сияешь?

Я сказал:

— А у нас сегодня было соревнование.

Папа сказал:

— Это какое же?

— Заплыв на двадцать пять метров в стиле баттерфляй...

Папа сказал:

— Ну и как?

— Третье место! — сказал я.

Папа прямо весь расцвёл.

— Ну да? — сказал он. — Вот здорово! — Он отложил в сторону газету. — Молодчина!

Я так и знал, что он обрадуется. У меня ещё лучше настроение стало.

— А кто же первое занял? — спросил папа.

Я ответил:

— Первое место занял Вовка, он уже давно умеет плавать. Ему это нетрудно было...

— Ай да Вовка! — сказал папа. — Так, а кто же занял второе место?

— А второе, — сказал я, — занял рыженький один мальчишка, не знаю, как зовут. На лягушонка похож, особенно в воде...

— А ты, значит, вышел на третье? — Папа улыбнулся, и мне это было очень приятно. — Ну, что ж, — сказал он, — всё-таки что ни говори, а третье место тоже призовое, бронзовая медаль! Ну, а кто же на четвёртом остался? Кто занял четвёртое?

Я сказал:

— Четвёртое место никто не занял.

Он очень удивился:

— Это как же?

Я сказал:

— Мы все третье место заняли: и я, и Мишка, и Толька, и Кимка, все-все. Вовка — первое, рыжий лягушонок — второе, а мы, остальные восемнадцать человек, мы заняли третье. Так инструктор сказал!

Папа сказал:

— Ах, вот оно что... Все понятно!..

И он снова уткнулся в газету.

А у меня почему-то совсем пропало хорошее настроение.

Николай Носов

МЕТРО

Мы с мамой и Вовкой были в гостях у тёти Оли в Москве. В первый же день мама и тётя ушли в магазин, а нас с Вовкой оставили дома. Дали нам старый альбом с фотографиями, чтоб мы рассматривали. Ну, мы рассматривали, рассматривали, пока нам это не надоело.

Вовка сказал:

— Мы так и Москву не увидим, если будем целый день дома сидеть!

Стали в окно глядеть. Напротив — станция метро. Я говорю:

— Пойдём на метро покатаемся.

Пришли мы на станцию, взяли билеты и поехали под землёй. Сначала показалось страшно, а потом ничего, интересно. Проехали две остановки, вылезли.

„Осмотрим, — думаем, — станцию — и назад“.

Стали осматривать станцию, а там лестница движется. Люди по ней вверх и вниз едут. Стали и мы кататься: вверх и вниз, вверх и вниз... Ходить совсем не надо, лестница сама возит.

Накатались по лестнице, сели на поезд и поехали обратно. Слезли через две остановки, смотрим — не наша станция!

— Наверно, мы не в ту сторону поехали, — говорит Вовка.

Сели мы на другой поезд, поехали в обратную сторону. Приезжаем — опять не наша станция! Тут мы испугались.

— Надо спросить кого-нибудь, — говорит Вовка.

— А как же ты спросишь? Ты знаешь, на какой станции мы садились?

— Нет. А ты?

— Я тоже не знаю.

— Давай ездить по всем станциям, может, отыщем как-нибудь, — говорит Вовка.

Стали мы ездить по станциям. Ездили, ездили, даже голова закружилась.

Вовка стал хныкать:

— Пойдём отсюда!

— Куда ж мы пойдём?

— Всё равно куда! Я наверх хочу.

— А что тебе наверху делать?

— Не хочу под землёй!

И начал реветь.

— Не надо,— говорю,— плакать. В милицию заберут.

— Пусть забирают! Э-э-э!..

— Ну, пойдём, пойдём,— говорю.— Не реви только. Вон милиционер уже смотрит на нас!

Схватил его за руку — и скорей на лестницу. Поехали вверх. „Куда же нас вывезет?—думаю.— Что теперь с нами будет?“

Вдруг смотрим — навстречу нам мама с тётёй Олей по другой лестнице едут. Я как закричу:

— Мама!

Они увидели нас и кричат:

— Что вы здесь делаете?

А мы кричим:

— Мы никак выбраться отсюда не можем!

Больше ничего крикнуть не успели: нас лестница вверх утащила, а их вниз. Приехали мы наверх — и скорей по другой лестнице вниз, за ними вдогонку. Вдруг смотрим — а они снова навстречу едут! Увидели нас и кричат:

— Куда же вы? Почему нас не подождали?

— А мы за вами поехали!

Приезжаем вниз. Я говорю Вовке:

— Подождём. Они сейчас к нам приедут.

Ждали мы, ждали, а их всё нет и нет.

— Наверно, они нас ждут,— говорит Вовка.— Поедем.

Только поехали, а они снова навстречу.

— Мы вас ждали, ждали!..— кричат.

А вокруг все хохочут.

Приехали мы снова наверх — и опять поскорей вниз. Поймали наконец их. Мама начала бранить нас за то, что ушли без спросу, а мы стали рассказывать, как потеряли станцию.

Тётя говорит:

— Не понимаю, как это вы потеряли станцию! Я тут каждый день езжу, а ещё ни разу станцию не потеряла. Ну, поедem домой.

Сели мы на поезд. Поехали.

— Эх вы, пошехонцы! — говорит тётя.— Искали рукавицы, а они за поясом. В трёх соснах заблудились. Потеряли станцию!

И вот так всю дорогу смеялась над нами.

Приезжаем на станцию, тётя посмотрела вокруг и говорит:

— Тьфу! Совсем вы меня запутали! Нам на Арбат надо, а мы на Курский вокзал приехали. Не в ту сторону сели.

Пересели мы на другой поезд и поехали обратно. И тётя больше уже не смеялась над нами. И пошехонцами не называла.

САША

Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

— Зачем тебе такой пистолет? — говорила мама. — Это опасная игрушка.

— Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

— Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

— Не попадёт! Я буду зажмуриваться, когда буду стрелять.

— Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, — сказала мама.

Так и не купила ему пистолета.

А у Саши были две старшие сестры, Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

— Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

— Ты, Сашка, хитренький! — сказала Марина. — Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и не сладишь.

— Нет, сладишь, сладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.

— Ладно, — сказала Ира. — Мы с Мариной подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

— Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите!

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день — не перестреляешь. От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

— Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало синё от дыма.

— Довольно тебе стрелять, — сказала наконец Ира. — Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

— Трусиха! — ответил Сашка. — Все девчонки — трусихи!

— Вот отнимем у тебя пистолет, тогда узнаешь, какие мы трусихи,— сказала Марина.

— Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом,— заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе — и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

— Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолета палишь?

— Нет,— сказал Сашка и спрятал пистолет за спину.

— Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию...

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

— Вот так штука! — испугался Саша.— Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

— Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? — спросила Ира.

— Это я так просто.

— Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

— Да ничего я не натворил — просто так... Напугал бабку какую-то.

— Какую бабушку?

— Ну „какую, какую“! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил.

— Зачем же ты выстрелил?

— Сам не знаю. Идёт бабушка. „Дай, думаю, выстрелю“. Ну и выстрелил.

— А она что?

— Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

— Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!

— Я же не виноват, что бабушка попалась такая пугливая.

— Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабушку! — пригрозила Ира. — Будешь знать, как людей пугать!

— А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.

— Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно — не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

— Наверно, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с пистонами, но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами

и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

— Не успел даже поиграть! — хныкал он. — Такой пистолетик был!

— Может быть, ты его во дворе потерял? — спросила Ира.

— Наверно, я его там, за воротами, выронил, — сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

„Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!“ — с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулка напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу, прямо к Сашиному дому.

„За мной идёт! Видно, бабка таки нажаловалась!“ — испугался Саша и стремглав побежал домой.

— Ну, нашёл? — спросили его Маринка и Ирочка.

— Тише! — прошипел Сашка. — Милиционер идёт!

— Куда?

— Сюда, к нам.

— Где ты его видел?

— На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

— Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

— Да я вовсе и не боюсь его! — стал храбриться Сашка. — Что мне милиционер! Подумаешь!

Тут за дверью послышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать дверь. Сашка высунулся в коридор и зашипел:

— Не открывайте ему!

Но Марина уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Сашка опустился на четвереньки и полез под диван.

— Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? — послышался голос милиционера.

— Это не здесь, — ответила Ира. — Здесь первая, а шестая — это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

— Во дворе, дверь направо? — повторил милиционер.

— Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

— Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

— У нас,— ответила Ира.

— А вот он-то мне как раз нужен,— сказал милиционер и вошёл в комнату.

Марина и Ира вошли вместе с милиционером в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез. Марина даже заглянула под диван. Сашка увидел её и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

— Ну, где же ваш Саша? — спросил милиционер.

Девочки очень испугались за Сашу и не знали, что отвечать. Наконец Марина сказала:

— А его, понимаете, дома нет. Он, понимаете, гулять ушёл.

— А что вы про него знаете? — спросила милиционера Ира.

— Что же я знаю! — ответил милиционер.— Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нету.

„Всё знает!“ — подумал Сашка.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном: „Апчхи!“

— Кто это там? — удивился милиционер.

— А это у нас... Это у нас собака,— соврала Маринка.

— Чего же она под диван забралась?

— А она у нас всегда под диваном спит, — продолжила сочинять Марина.

— Как же её зовут?

— Э... Бобик, — выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

— Бобик! Бобик! Фью! — засвистел милиционер. — Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет. А собака хорошая? Какой породы?

— Э... — протянула Маринка. — Э-э... — Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак. — Порода эта вот... — сказала она. — Как её?.. Хорошая порода... Длинношёрстный фокстерьер!

— О, это замечательная собака! — обрадовался милиционер. — Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:

— Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

— Не вылезу! — заревел Саша.

— Почему?

— Вы меня в милицию заберёте.

— За что?

— За старушку.

— За какую старушку?

— За которую я выстрелил, а она испугалась.

— Не пойму, про какую он тут старушку толкует? — сказал милиционер.

— Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась, — объяснила Ира.

— Ах, вот что! Значит, это его пистолет? — спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

— Его, его! — обрадовалась Ира. — Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

— Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признавайся, зачем напугал бабушку? — спросил милиционер и нагнулся к Саше.

— Я нечаянно... — ответил Саша из-под дивана.

— Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду — отдам пистолет обратно.

— А что мне будет, если я скажу правду?

— Ничего не будет. Отдам пистолет — и всё.

— А в милицию не заберёте?

— Нет.

— Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

— А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещал не забирать — значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедокуришь — обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получиай пистолет.

— Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

— Вот чудной какой! — усмехнулся милиционер. — Ну, я уйду.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

— Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! — Он схватил пистолет и сказал: — Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

— Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, — сказала Ира.

Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

— Ах ты, чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

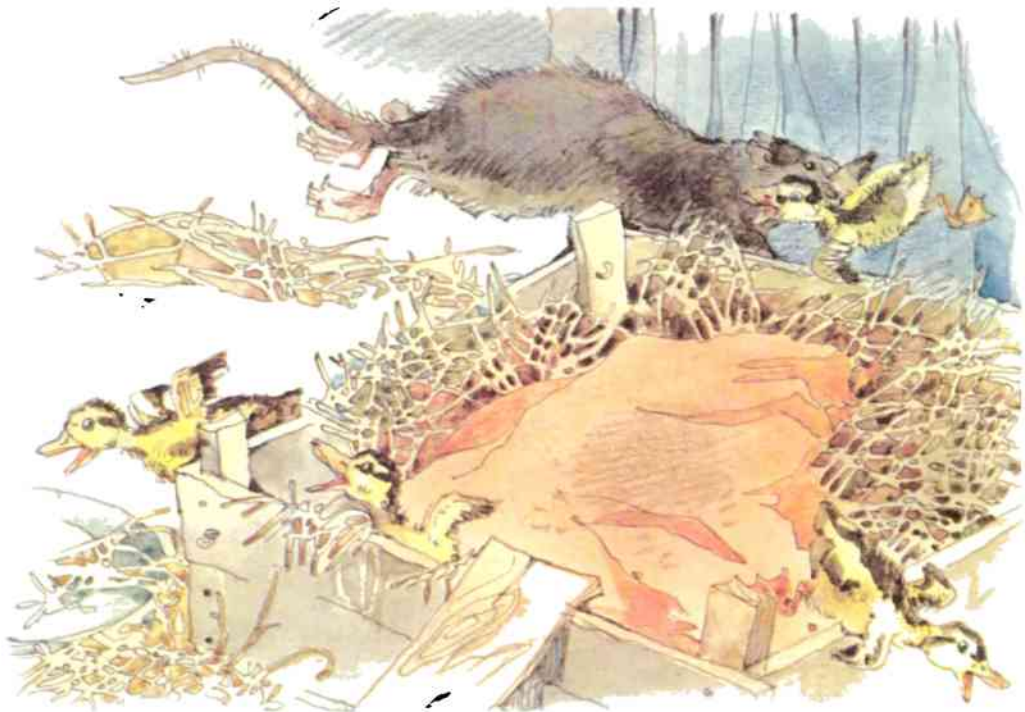
— А я и не буду больше ничего творить, — сказал Саша. — Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.

МУР БОКРУТ

НАС

Михаил Пришвин

ХРОМКА

Плыву на лодочке, а за мной по воде плывёт Хромка — моя подсадная охотничья утка. Эта утка вышла из диких уток, а теперь она служит мне, человеку, и своим утиным криком подманивает в мой охотничий шалаш диких селезней.

Куда я ни поплыву, всюду за мной плывёт Хромка. Займётся чем-нибудь в заводи, скроюсь я за поворотом от неё, крикну: „Хромка!“ — и она бросит всё и подлетает опять к моей лодочке. И опять куда я, туда и она.

Горе нам было с этой Хромкой! Когда вывелись утята, мы первое время держали их в кухне. Это пронюхала крыса, прогрызла дырку в углу и ворвалась. На утиный крик мы прибежали как раз в то время, когда крыса тащила утёнка за лапку в свою дырку. Утёнок застрял, крыса убежала, дырку забили, но только лапка у нашего утёнка осталась сломанная.

Много трудов положили мы, чтобы вылечить лапку: связывали, бинтовали, примачивали, присыпали — ничего не помогло: утёнок остался хромым навсегда.

Горе хромоту в мире всяких зверушек и птиц: у них что-то вроде закона — больных не лечить, слабого не жалеть, а убивать. Свои же утки, куры, индюшки, гуси — все норовят тюкнуть Хромку. Особенно страшны были гуси. И что ему, кажется, великану, такая безделушка — утёнок, — нет, и гусь с высоты своей норовит обрушиться на каплюшку и сплюснуть, как паровой молот.

Какой умишко может быть у маленького хромого утёнка? Но всё-таки и он своей головёнкой величиной с лесной орех сообразил, что единственное спасение его — в человеке. И нам по-человечески было жалко его: эти беспощадные птицы всех пород хотят лишиться его жизни, а чем он виноват, если крыса вернула ему лапку?

И мы по-человечески полюбили маленькую Хромку.

Мы взяли её под защиту, и она стала ходить за нами и только за нами. И когда выросла она большая,

нам не нужно было ей, как другим уткам, подстригать крылья. Другие утки-дикари считали дикую природу своей родиной и всегда стремились туда улететь. Хромке некуда было улетать от нас. Дом человека стал её домом. Так Хромка в люди вышла.

Вот почему теперь, когда я плыву на лодочке своей на утиную охоту, моя утка сама плывёт за мной. Отстанет, снимается с воды и подлетает. Займётся рыбкой в заводи, заверну я за кусты, скроюсь и только крикну: „Хромка!“, вижу — летит моя птица ко мне.

О ЧЁМ ШЕПЧУТСЯ РАКИ

Удивляюсь на раков — до чего много, кажется, напутано у них лишнего: сколько ног, какие усы, какие клешни, и ходит хвостом наперёд, и хвост называется шейкой. Но всего более дивило¹ меня в детстве, что когда раков соберут в ведро, то они между собой начинают шептаться. Вот шепчутся, вот шепчутся, а о чём — не поймёшь.

И когда скажут: „Раки перешептались“, это значит — они умерли и вся их рачья жизнь в шёпот ушла.

¹ Дивило, дивить (от „диво“) — то, что вызывает удивление, удивлять.

В нашей речке Вертушинке раньше, в моё время, раков было больше, чем рыбы. И вот однажды бабушка Домна Ивановна с внучкой своей Зиночкой собрались к нам на Вертушинку за раками. Бабушка с внучкой пришли к нам вечером, отдохнули немного — и на реку. Там они расставили свои рачьи сеточки. Эти рачьи сачки у нас все делают сами: загибается ивовый прутик кружком, кружок обтягивается сеткой от старого невода, на сетку кладётся кусочек мяса или чего-нибудь, а лучше всего кусочек жареной и духовитой для раков лягушки. Сеточки опускают на дно. Учувя запах жареной лягушки, раки вылезают из береговых печур, ползут на сетки. Время от времени сачки за верёвки вытаскивают кверху, снимают раков и опять опускают.

Простая это штука. Всю ночь бабушка с внучкой вытаскивали раков, наловили целую большую корзину и утром собрались назад, за десять вёрст к себе в деревню. Солнышко взошло, бабушка с внучкой идут, распарились, разморились. Им уж теперь не до раков, только бы добраться домой.

— Не перешептались бы раки, — сказала бабушка. Зиночка прислушалась.

Раки в корзинке шептались за спиной бабушки.

— О чём они шепчутся? — спросила Зиночка.

— Перед смертью, внученька, друг с другом прощаются.

А раки в это время совсем не шептались. Они только тёрлись друг о друга шершавыми костяными

бочками, клешнями, усиками, шейками, и от этого людям казалось, будто от них шёпот идёт. Не умирать раки собирались, а жить хотели. Каждый рак все свои ножки пускал в дело, чтобы хоть где-нибудь найти дырочку, и дырочка нашлась в корзинке, как раз чтобы самому крупному раку пролезть. Один рак вылез крупный, за ним более мелкие шутя выбрались, и пошло, и пошло: из корзинки — на бабушкину кацавейку, с кацавейки — на юбку, с юбки — на дорожку, с дорожки — в траву, а из травы — рукой подать речка.

Солнце палит и палит. Бабушка с внучкой идут и идут, а раки ползут и ползут. Вот подходит Домна Ивановна с Зиночкой к деревне. Вдруг бабушка остановилась, слушает, что в корзинке у раков делается, и ничего не слышит. А что корзинка-то лёгкая стала, ей и невдомёк: не спавши ночь, до того уходилась¹ старуха, что и плеч не чувствует.

— Раки-то, внученька,— сказала бабушка,— должно быть, перешептались.

— Померли? — спросила девочка.

— Уснули,— ответила бабушка,— не шепчутся больше.

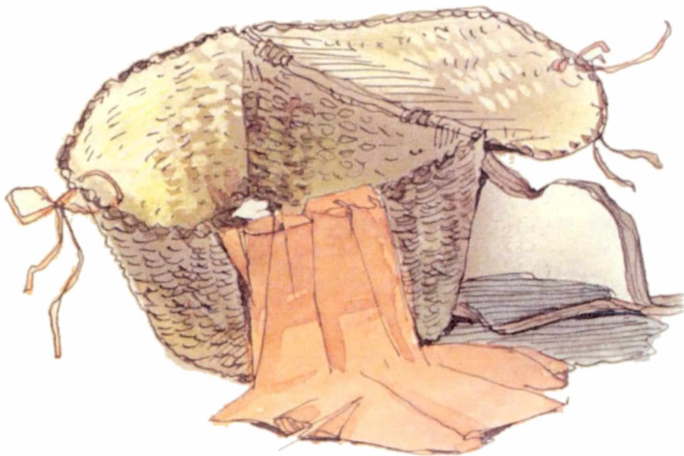
Пришли к избе, сняла бабушка корзинку, подняла тряпку:

— Батюшки родимые, да где же раки-то?

¹ Уходи́лась — измучилась, устала.

Зиночка заглянула — корзина пустая. Поглядела бабушка на внучку — и только руками развела.

— Вот они, раки-то,— сказала она,— шептались! Я думала — они это друг с другом перед смертью, а они это с нами, дураками, прощались.

Георгий Скребицкий

КОТ ИВАНЫЧ

Жил у нас в доме огромный толстый кот Иваныч, ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, залезет на тёплую лежанку, свернётся клубком и уснёт. Во сне лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит. Из-за этого хвоста Иванычу часто доставалось от нашего дворового щенка Бобки.

Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом откроют — шмыгнёт в комнаты прямо к Иванычу. Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везёт, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему словно по льду катится. Спросонья сразу и не

разберёт, в чём дело. Потом опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберётся. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадушке и поставила на печку. Чтобы оно лучше поднялось, сверху ещё тёплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама пошла посмотреть, хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадушке, свернувшись калачиком, как на перине, Иваныч спит. Всё тесто примял и сам весь измазался. Так мы без пирогов и остались. А Иваныча вымыть пришлось.

Налила мама в таз тёплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится — мурлычет, песни поёт. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Вообще Иваныч был очень ленивый кот, даже мышей не ловил. Иногда мышь скребётся где-нибудь рядом, а он внимания на неё не обращает.

Как-то зовёт меня мама в кухню:

— Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу — Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет: совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крохи, а Иваныч будто пасёт их — поглядывает да глаза от солнца жмурит. Мама даже руками развела:

— Что же это такое делается!

А я и говорю:

— Как — что? Разве не видишь? Иваныч мышей караулит. Наверное, мышка-мать попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без неё может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, в нём водилось много крыс. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту.

Сидим мы у окна, вдруг видим — по двору бежит Иваныч, а во рту огромная крыса. Вскочил он в окно — прямо к маме в комнату. Разлёгся посреди пола, выпустил крысу, сам на маму смотрит: „Вот, мол, каков я охотник!“

Мама закричала, вскочила на стул, крыса под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать себе отправился.

С тех пор от Иваныча житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдёт, а он домой спешит, крысу тащит. Принесёт в комнату и выпустит. Потом уж мы так приладились: как он на охоту — сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит крысу по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит крысу и давай с нею играть: подбрасывает, лапами ловит, а то положит её перед собою и любуется.

Вот однажды играл он так, вдруг, откуда ни возьмись, две вороны. Сели неподалёку, начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им крысу у него отнять — и страшновато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся да за вороной, а вторая подхватила крысу — и до свиданья! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя крыс иногда и ловил, но никогда их не ел. Зато он очень любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведёрко на лавку, а он уж тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведёрко, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест. Иваныч даже повадился из аквариума рыбок таскать.

Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушёл на кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч — на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведёрка, вылавливает. Трёх рыбок я потом недосчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать. А как забудешь, сейчас двух-трёх рыбок вытащит. Уж мы не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился.

Принёс я однажды с реки вместо рыбы в ведёрочке раков, поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу

прибежал — и прямо в ведро лапой. Да вдруг как потянет назад! Глядим: за лапу рак клешнями ухватился, а за ним — второй, а за вторым — третий... Все из ведёрка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щёлкают. Тут Иваныч глазищи от страха вытаращил, шерсть дыбом поднялась: „Что за рыба такая?“

Тряхнул лапой — так все раки на пол и посыпались, а сам Иваныч хвост трубой — и марш в окно. После этого даже близко к ведёрку не подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

Кроме рыбок, у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, ёж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый

кот, дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале не мог ужиться.

Этого ежа я принёс из леса и пустил в комнате на пол. Ёжик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересовался зверьком. Дружелюбно подошёл к нему и хотел обнюхать. Но ёж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча. Он растопырил колючки, подскочил и пребольно кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. Стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел спускаться вниз.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в блюдечко супа и поставила его на коврик. Кот сел около блюдца поудобнее, начал лакать. Вдруг мы видим — из-под шкафа вылезает ёжик. Вылез, носиком потянул, прямо направился к блюдцу. Подошёл и тоже за еду принялся. А Иваныч не убегает — видно, проголодался, косится на ежа, а сам торопится, пьёт.

Так вдвоём всё блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме половником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ёжик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал опасаться. Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча мы все его очень любили. Нам казалось, что по своему характеру и уму он боль-

ше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород — и он за нами, мама в магазин — и он следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада — Иваныч уже на лавочке возле дома сидит, будто нас дожидается.

Как увидит меня или Серёжу, сразу подбежит, начнёт мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой спешит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нём мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживётся на новой квартире и будет убегать на старое

место. Но наши опасения оказались совершенно напрасны.

Попав в незнакомое помещение, Иваныч начал всё осматривать, обнюхивать, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что всё в порядке, вскочил на постель и улёгся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и уселся, как обычно, рядом с мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру так и не ушёл.

Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка — дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

Николай Сладков

МЕДВЕДЬ-ДАРМОЕД

Ягоду за щёку, грибок в кузовок. От ягоды к грибку, от грибка к ягоде, — и забрёл. Лес вокруг тёмный. Деревья переговариваются по-своему: ели — еле-еле, осинки — вполшёпота.

Жарко. Кузова плечо оттянули.

Глядь — яма с водой. Бочажина! Лесная — чёрная. Посреди две кувшинки золотые, как совиные глаза. Так и смотрят. Загляделся я в бочажьи глаза. А позади кто-то и скажи звериным голосом: „Мам-м!“ Я так и отшатнулся! Медведь! Стоит и смотрит.

Я с перепугу на него грибным кузовком замахнулся, — стоит. Я ягодным, — смотрит. Потом глянул

как-то боком и опять сказал: „Мам-м!“ Я бежать. Кузова бросил.

До бочажины полдня брёл, а от бочажины домой за полчаса отмахал. Да неделю в лес и носа не казал. Вкус грибной и ягодный забыл.

А потом думаю: волков да медведей бояться — в лес не ходить. Пошёл.

От грибка к ягоде, от ягоды к грибку — и опять забрёл.

Слышу: ели переговариваются еле-еле, осинки вполшёпота. Вижу: бочаг чёрный с совиными глазами. А вон и кузова мои — грибной и ягодный. Пустые кузова — медведь всё поел. От ягод — пожёвки, от грибов — огрызки.

Тут-то мне и стук в голову: а уж не нарочно ли тогда мишка пугнул меня? Он ведь тоже заядлый грибник да ягодник. Что ему стоит: воркнул раз — и два кузова! А то собирай по крохам. А я, дурень, кузовами полными у его носа размахивал — аппетит дразнил.

Так, наверное, и есть. Не меня ж, в самом деле, медведь есть собрался!

Но это, конечно, я так думаю. А что тогда медведь думал, — не знаю.

Он ведь, помню, и говорил мне что-то, да я разобрать не успел, вот досада!

ТЕНЬ

Удивительная в лесу тишина: лес отдыхает. Солнечные зайчики сидят смирно. Подмигивает ленивая паутинка.

Хорошо идти по такому лесу от поляны к поляне: в каждой, как в зелёной чаше, свой тёплый настой. На одной медовый — отцветает лиловый вереск, на другой грибной, на третьей настоем на вялом листе. Идёшь и из каждой чаши отпиваешь глоток, пока голова не закружится!

На поляне с брусничным настоем стоял медвежонок. Он был один и делал то, что хотел. Делал он что-

то очень странное. То вдруг взмахивал головой, а лапашками и носом тыкался в землю. То переваливался через тощий задок и скрёб когтишками землю. Он явно что-то ловил и никак не мог поймать.

Долго он перекатывался, хватал, кусал и сердился. А я всё смотрел и ничего не мог разобрать.

И вдруг понял: медвежонок ловил свою тень! Этот дурень не мог ещё сообразить, что тень — это тень и что поймать её нельзя. Он видел: рядом шевелится тёмное. Бросался на тёмное и скалил зубы. Но тень — это тень.

Даже старый матёрый медведь не очень-то верит своим глазам. Вот и медвежонок: понюхает тень — не пахнет. Наклонит ухо к земле — не шуршит. Стукнет лапой — сдачи не даёт. Значит, её и нет!

Пошагал медвежонок прочь, а тень за ним. Вот это да!

Надо всё не спеша обдумать. Стал приседать медвежонок на задок. Вот приседает и — раз! — наткнулся на острый сучок! Подскочил, а оглянуться боится: тень перед носом скачет. Кто её знает, чего замышляет.

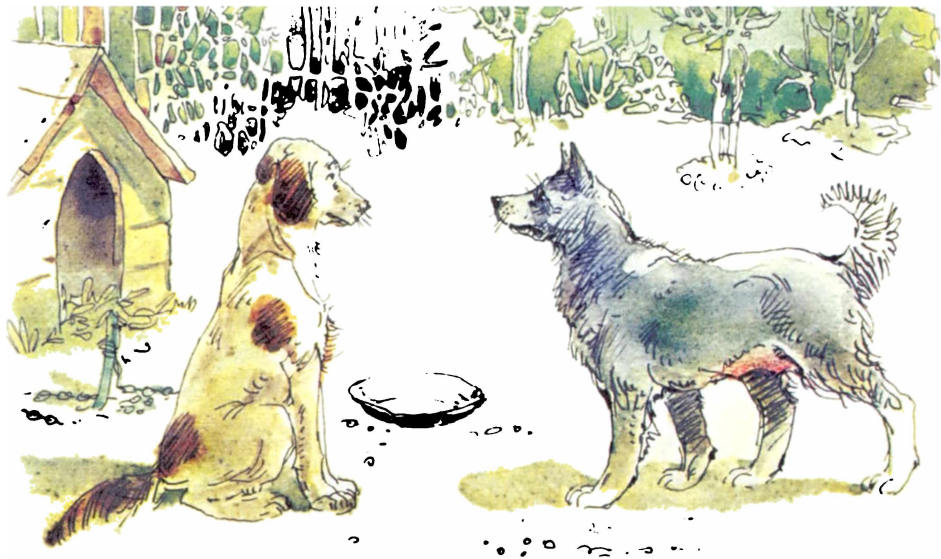
Поёрзал, поёрзал и опять стал приседать. Сел. На сучок. Как подскочит! Да и сучок ли это? Это мне видно, что вправду сучок, а медвежонок и оглянуться боится. Может, это чёрное, без вкуса, без запаха, так кусает?

Шерсть на мишкиной холке встала торчком. Даже клыки показал. Пятиться стал. Попятился и... опять

напоролся на сук! Тут заорал медвежонок басом и, как заяц, упрыгал в кусты.

И вот тихо на полянке и нет никого, будто никогда и не было. Убежал медвежонок, ускакала тень. Остался один сучок. Да брусничным настоем пахнет.

Виктор Драгунский

ДЫМКА И АНТОН

Прошлым летом я был на даче у дяди Володи. У него очень красивый дом, похожий на вокзал, но чуть-чуть поменьше.

Я там жил целую неделю, и ходил в лес, и разводил костры, и купался.

Но главное, я там подружился с собаками. Их там было очень много и все называли их по имени и фамилии. Например, Жучка Бреднева, или Тузик Мурашовский, или Барбос Исаенко. Так удобней разбираться, кого какая укусила.

А у нас жила собака Дымка. У неё хвост загнутый и лохматый, и на ногах шерстяные галифе.

Когда я смотрел на Дымку, я удивлялся, что у неё такие красивые глаза. Жёлтые-жёлтые и очень понятливые. Я давал Дымке сахар, и она всегда виляла

мне хвостом. А через два дома жила собака Антон. Он был Ванькин. Ванькина фамилия была Дыхов, вот и Антон назывался Антон Дыхов. У этого Антона было только три ноги, одну он где-то потерял. Но он всё равно бегал на этих трёх ногах, как будто их было восемь, очень быстро бегал и всюду поспевал. Он был бродяга, пропадал по три дня, любил стянуть, что подвернётся, но умнющий был на редкость. И вот что однажды было.

Мама вынесла Дымке большую кость. Дымка взяла её, положила перед собой, зажала лапами, зажмурилась и хотела уже начать грызть, как вдруг увидела Мурзика. Он никого не трогал, спокойно шёл домой, но Дымка вскочила и пустилась за ним! Мурзик — бежать, а Дымка долго за ним гонялась, пока не загнала на сарай.

Но всё дело в том, что Антон уже давно был у нас на дворе. И как только Дымка занялась Мурзиком, Антон довольно ловко цапнул её кость и удрал! Куда он её девал, не знаю, но только он через секунду приковылял обратно и сидит себе, поглядывает:

„Я, ребята, ничего не знаю“.

Тут пришла Дымка и увидела, что кости нет, а есть только Антон.

Она посмотрела на него, как будто спросила: „Ты взял?“

Но этот нахал только рассмеялся ей в ответ! А потом отвернулся со скучающим видом. Тогда Дымка обошла его и снова посмотрела ему прямо в глаза.

Но Антон даже ухом не повёл. Дымка долго на него смотрела, но потом поняла, что у него совести нет, и отошла.

Антон хотел было с ней поиграть, но Дымка совсем перестала с ним разговаривать.

Я сказал:

— Антон! На-на-на!

Он подошёл, а я сказал ему:

— Я всё видел. Если сейчас же не принесёшь кость, я всем расскажу.

Он ужасно покраснел. То есть, конечно, он, может быть, и не покраснел, но вид у него был такой, что ему очень стыдно, и он прямо покраснел.

Вот какой умный! Поскакал на своих троих куда-то, и вот уже вернулся, и в зубах несёт кость. И тихо так, вежливо, положил перед Дымкой.

А Дымка есть не стала. Она посмотрела чуть-чуть искоса своими жёлтыми глазами и улыбнулась — простила, значит!

И они начали играть и возиться, и потом, когда устали, побежали к речке совсем рядышком.

Как будто взялись за руки.

В МИРЕ
СКАЗКИ

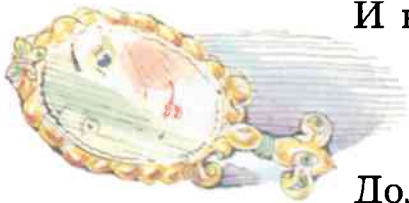
А. С. Пушкин

**СКАЗКА О МЁРТВОЙ
ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ**

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снаряжился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда¹ очи
Разболелись гляючи
С белой зори до ночи,
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,

¹ *Инда* — так что даже.

Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля,
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник¹ в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издальца наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне² умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошёл как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.

¹ *Сочельник* — день перед праздниками — Рождеством и Крещением.

² *Обедня* — церковная служба утром или днём.

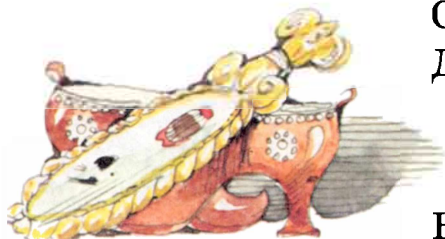
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И красуясь говорила:
„Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,¹
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,

¹ *Перста́ми* — (устар.) пальцами.

Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник¹ собираюсь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?“
Что же зеркальце в ответ?
„Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее“.
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
„Ах ты, мерзкое стекло!
Это врѣшь ты мне на зло.

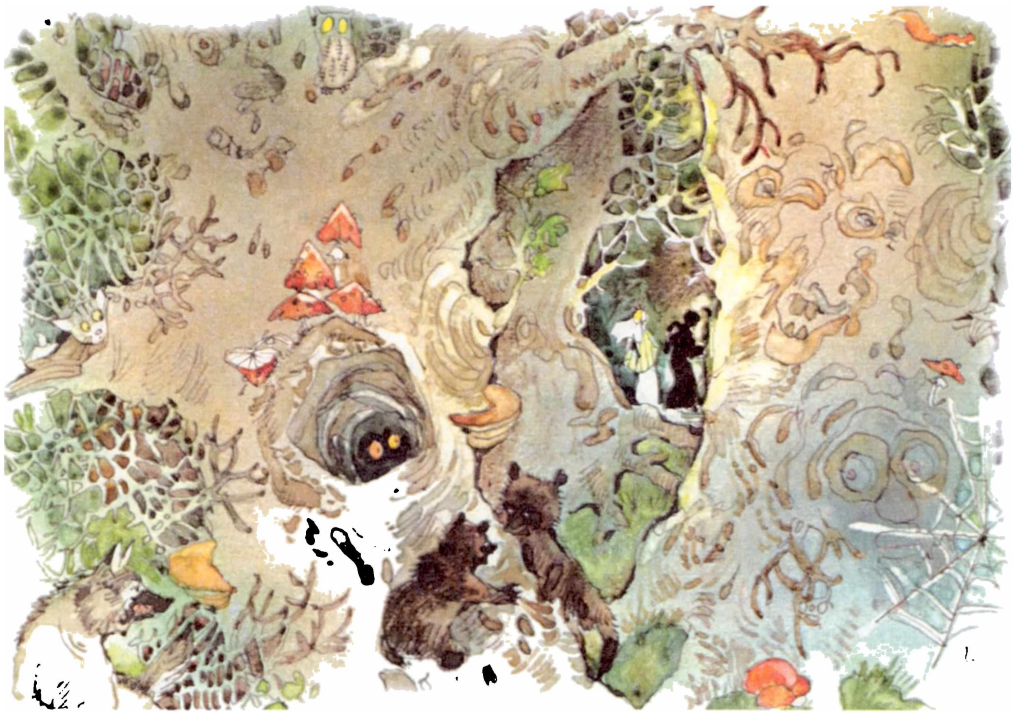
¹ *Девичник* — в старину перед свадьбой у невесты собирались её подружки; это праздничное сборище называлось девичником.

Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всём меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?“ Зеркальце в ответ:
„А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее“.
Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку,
И наказывает ей,
Сенной девушке¹ своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чёрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной

¹ *Сенной девушке* — служанке, живущей в сенях.

Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль света,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя“.
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Бог с тобой“.
А сама пришла домой.

„Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?“

„Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —

Крепко связаны ей локти;
Попадётся зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть“.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужит бедный царь по ней.
Королевич Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,

Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми¹ стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати² взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: „Что за диво!
Всё так чисто и красиво.

¹ Здесь: под иконами, святыми образами.

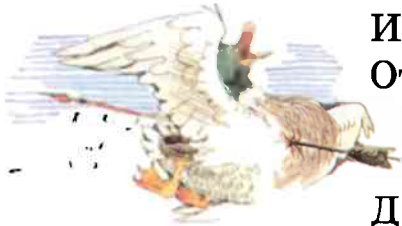
² *Полати* — настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и противоположной ей стеной.

Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица“.

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;

Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

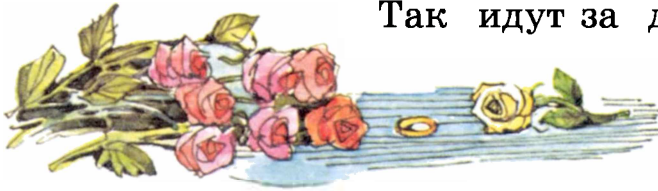

День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина¹ в поле спешить,²
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит.

¹ *Сорочин* (сарацыны, сарачины) — старинное название мусульманских народов, принятое у европейцев.

² *Спешить* — заставить слезть с лошади.

Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: „Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так Бога ради,
Помири нас как-нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.
Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?“

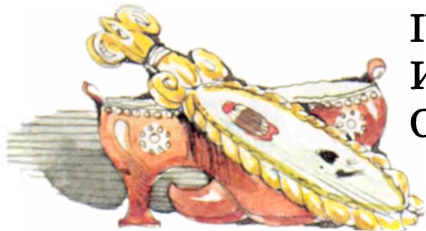

„Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,—
Им царевна говорит,—

Коли лгу, пусть Бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей“.

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
„Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том“. „Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина“.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить её,
А на зеркальце своё

Долго дулась и сердилась;
Наконец об нём хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты прекрасна, спору нет;
Но живёт без всякой славы,
Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей“.
И царица налетела
На Чернавку: „Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!..“
Та призналася во всём:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.

Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица
Видит: нищая черница¹
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко,—
Ей кричит она в окошко,—
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу“.
Отвечает ей черница:
„Ох ты, дитяtko девица!
Пёс проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Видь ко мне“.— Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдёт старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. „Что за чудо?
Видно, выпался он худо,—
Ей царевна говорит:—
На ж, лови!“ — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала:
„Благодарствую, — сказала.—
Бог тебя благослови;

¹ Черница — монахиня.

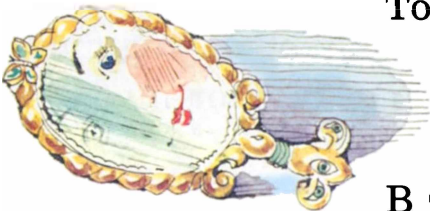
Вот за то тебе, лови!“
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...
Пёс как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед“.
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,

Словно сердце пёсье поет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
„Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!“ — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно
Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажется. „Не к добру! —
Братья молвили, — печали
Не минуем“. Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она

Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: „Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному“.

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
„Я ль, скажи мне, всех милее,

Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее“.

За невестою своею
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрѐн;
Кто в глаза ему смеѐтся,
Кто скорее отвернѐтся;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
„Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей“.— „Свет ты мой,—

Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил,
Или след её заметил“.

Тёмной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
„Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей“.— „Братец мой, —
Отвечает месяц ясный,—
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.

Без меня царица видно
Пробежала“. — „Как обидно!“ —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
„Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай“.

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
„Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме Бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царицы молодой?
Я жених её“. — „Постой, —
Отвечает ветер буйный, —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный

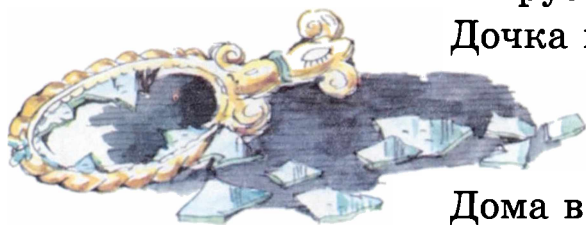
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу твоя невеста”.

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошёл к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою тёмный вход.
Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
„Как же долго я спала!“
И встаёт она из гроба...

Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он её берёт
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,

Говоря: „Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее“.
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

Редьярд Киплинг

ОТКУДА У КИТА ТАКАЯ ГЛОТКА

(Перевод с английского К. Чуковского)

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотичку, и её сестричку, и шустрого, быстро-го вьюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её

глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет,— ответил Кит.— А каков он на вкус?

— Очень вкусный,— сказала Рыбка.— Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдюжину,— сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного! — сказала Малютка-Колюшка.— Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одежи на нём, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!), да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про

подтяжки!), да сбоку у пояса охотничий нож, и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире, и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыркаться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топать, стучать, бренчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем нехорошо. (Надеюсь, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон, — посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри веди себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет,— сказал Моряк,— мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам,

к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой,— сказала хитрая Рыбка Киту.— Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — всё шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэлот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: „Фич!“— изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась решётка, которой он и загородил Киту горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

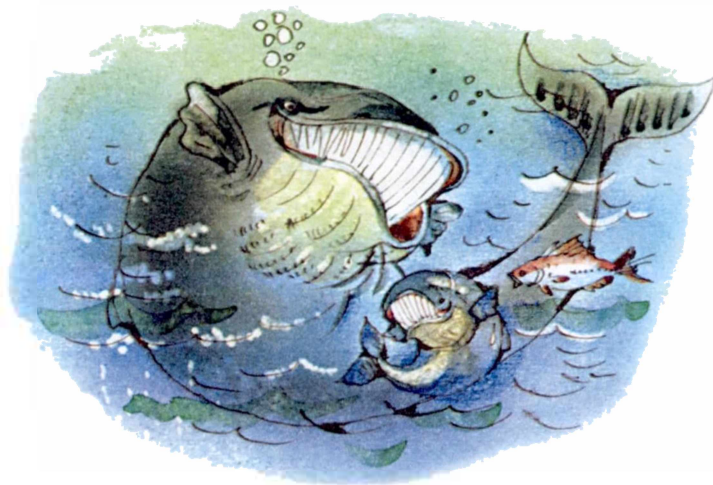
С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла

ему ходить по воде босиком. Потом он женился, и стал жить-поживать, и был очень счастлив. Кит тоже женился, и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

Вот и всё. Этой сказке конец.

СЛОНЁНОК

(Перевод с английского К. Чуковского)

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумаки от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумачи.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родичи ещё раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого

часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза,— был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся во круг какой-то скалы.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — презрительно переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Нашёл о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слонёнок.— Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слонёнку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слонёнок.— Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядя, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство,— здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагнающими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил.— Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво.— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Струсиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мох-

натый Павиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мне-

ние таково, что не успеешь ты сказать „раз, два, три!“, как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть.

Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слонёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но! И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двуцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слонёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой — так величал он Крокодила — хочет загубить твоё будущее...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слонёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его

холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слононок. — Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слононок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слононка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слононку нос в самый заправдашний хобот — точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слононка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булабочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слононок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок

травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слононок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слононку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста,— сказал Слононок,— но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слононок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.— Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас,— сказал Слононок,— я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слононок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждёт, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему — он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлапка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху (она даже не была его родственницей), хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, — потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумаков за несносное твоё любопытство!

— Эх, вы! — сказал Слонёнок. — Много смыслите

вы в тумачах! Вот я в этом деле кое-что понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал Слонёнок. — Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядя Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слонёнок. — Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот сердитый Слонёнок, что отколотил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлением. Он выдернул из хвоста у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым кустам; он разбудил громким криком свою толстую тётку Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родичи — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной,

мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумаков никому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь,— у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

Ганс Фаллада

ИСТОРИЯ ПРО МАМИНУ СКАЗКУ

(Перевод с немецкого Л. Цывьяна)

Жила-была непослушная девочка: когда её звали за стол, она принималась капризничать. Однажды мама в наказание выставила её в другую комнату, закрыла дверь, а остальным своим детям, которые были послушными, стала рассказывать сказку.

Только мама начала, непослушная девочка заплакала, потому что ей страшно захотелось узнать, о чём эта сказка. Мама крикнула через дверь:

— Если будешь слушаться, сможешь послушать сказку.

Но девочка после маминых слов ещё больше заупрямилась и заревела во весь голос, хотя ей очень хоте-

лось послушать сказку. Тут из норки вылезла мышь и говорит:

— Девочка, ты чего это так громко ревьешь? Мои мышата с перепугу чуть салом не подавились.

Непослушная девочка ей отвечает:

— Мама прогнала меня в эту комнату и не позволяет слушать сказку. Если хочешь, чтобы твои мышата не пугались, проберись по своему мышиному ходу в столовую, а потом расскажи мне сказку, которую слушают мои сестрѐнки.

Мышь сделала, как велела ей непослушная девочка: пробралась в столовую и стала подслушивать. А мама, услышав, что дочка затихла, крикнула через дверь:

— Ну что, будешь слушаться?

Девочка подумала: „Всѐ равно мышь перескажет мне сказку. Нет, не буду слушаться!“ — и захныкала снова.

Хныкала она, хныкала, а мышь всё не возвращается, и непослушная девочка подумала: „Странно, почему так долго нет мыши? Видно, сказка такая интересная, что она забыла обо мне. Вон на окошке сидит муха, попрошу-ка я её посмотреть, в чём там дело“.

Непослушная девочка подошла к мухе и сказала:

— Уважаемая муха-хлопотуха, я послала в столовую мышь, чтобы она подслушала сказку, которую мама рассказывает моим сестрѐнкам. Но мышь всё не возвращается. Будь добра, пролезь через замочную скважину и посмотри: что там происходит? А я тебе за это завтра утром подарю сахар, который мне дадут к какао.

Муха согласилась, нырнула в замочную скважину и исчезла. А мама, услышав, что девочка затихла, крикнула через дверь:

— Ну что, будешь слушаться?

Но девочка подумала: „Всё равно ведь мышь и муха вернутся и перескажут сказку. Не буду слушаться!“

Решив так, она закричала:

— Не хочу, не буду! — и громко заплакала.

Плакала она, плакала, и опять ей стало удивительно, что ни мышь, ни муха не возвращаются.

„Видно, это просто необыкновенная сказка! — подумала девочка. — Попробую-ка ещё разок, и если ничего не получится, стану послушной и поем, а то не услышу сказки, а мне так хочется её услышать“.

И девочка обратилась к муравью, который бежал по полу:

— Многоуважаемый муравей-торопыжка, ты такой крохотный и сможешь пролезть под дверь. Будь добр, посмотри, что делают в столовой мышь и муха. Я послала их подслушать сказку, которую мама рассказывает моим сестрёнкам. Но только, пожалуйста, возвращайся поскорей: я просто умираю от любопытства.

— Ну так и быть, исполню твою просьбу, — сказал муравей, нырнул под дверь и исчез.

Мама, услышав, что дочка перестала плакать, крикнула:

— Доченька, перестань капризничать и поешь! Сейчас будет самое вкусное!

Девочка подумала: „Муравей вот-вот прийдёт сюда

мышь и муху, и я услышу от них сказку“ — и закричала:

— Не хочу есть! Не хочу самого вкусного! — затопала ногами и заревела во весь голос.

Поревела она, поревела и стала затихать, во-первых, потому что горло устало, а во-вторых, потому что подумала: „Наверно, это очень интересная сказка. Все трое — мышь, муха и муравей — заслушались и забыли обо мне. Ладно, стану послушной“. И девочка замолчала, даже не всхлипывала.

Но мама, которая три раза бралась её уговаривать, рассердилась и на этот раз промолчала. Девочка подумала: „Мама сердится на меня. Поскребусь-ка я тихонько в дверь. Мама спросит, буду ли я слушаться, я отвечу, что да, и она меня выпустит отсюда“. И девочка заскреблась в дверь.

Мама слышала, как она скребётся, но всё ещё сердилась и поэтому молчала, не спрашивала. Тогда девочка стала просить:

— Выпусти меня! Я буду послушной!

Тут из норки вылезла запыхавшаяся мышь и воскликнула:

— Ах, какая чудесная была сказка! Прости, что я не вернулась раньше, но я не смогла уйти, не дослушав до конца.

Из замочной скважины вылетела муха и загудела:

— Да, такую интересную сказку не каждый день услышишь. Неудивительно, что твои сёстры прямо впуски ели — ни крошечки на тарелках не оставили.

А тут и муравей из-под двери выполз и вздохнул:

— Прекрасная сказка... А ещё был шоколадный пудинг с ванильным соусом. Я и сам бы от такого не отказался...

— Как! — воскликнула непослушная девочка. — Был шоколадный пудинг с ванильным соусом?

Она распахнула дверь и крикнула:

— Я тоже хочу шоколадного пудинга с ванильным соусом! Я тоже хочу сказку! Я буду послушной!

Мама и сестрёнки расхохотались и показали ей пустое блюдо — на нём не было ни крошечки. Тарелки у них тоже были пустые и сверкали так, словно их языками вылизывали. А мама сказала:

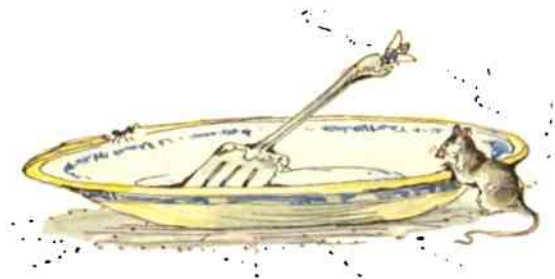
— Раньше надо было думать. Теперь уже ничего нет.

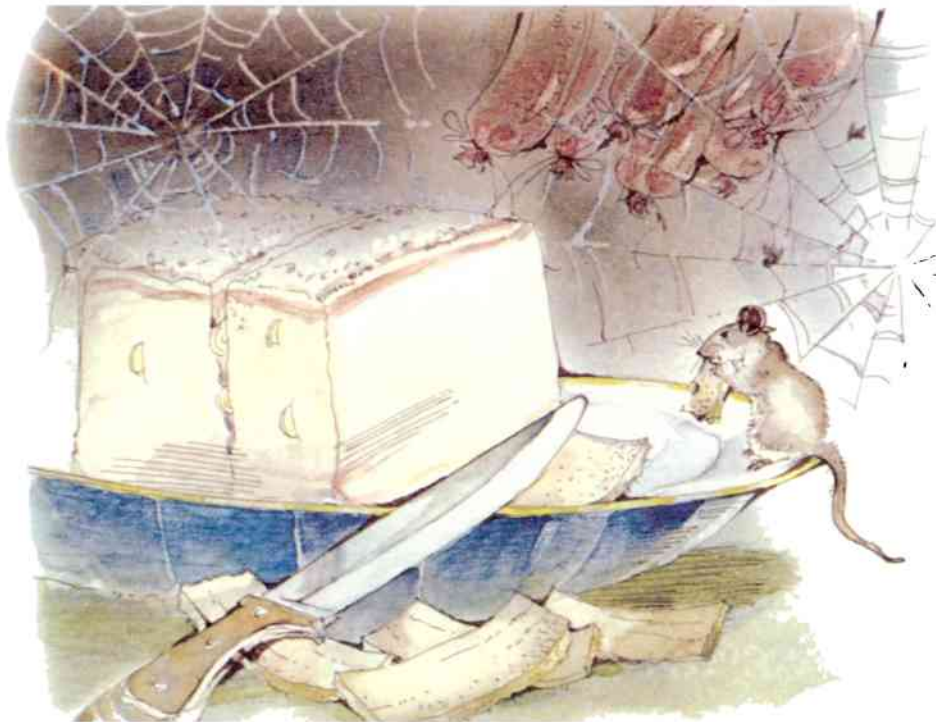
У девочки закапали слёзы, и она попросила:

— Раз не осталось пудинга, то расскажи мне чудесную, интересную, прекрасную сказку, которую ты рассказывала сестрёнкам.

— Поздно уже. Время не сказки слушать, а спать ложиться.

Огорчилась непослушная девочка, но пришлось ей ложиться спать без пудинга и без сказки. Да, куда лучше было бы для неё, если бы она вовремя одумалась: и пудингом бы полакомилась, и сказку бы услышала. Да и для нас было бы лучше: мы бы узнали, о чём эта сказка.

ИСТОРИЯ ПРО МЫШКУ РВАНОЕ УШКО

(Перевод с немецкого Л. Цывьяна)

В городе, в большущем доме, жила одинокая-преодинокая мышка по имени Рваное Ушко. Совсем маленьким мышонком она побывала в когтях у кошки, и та так поранила и порвала ей ухо, что оно не стояло торчком, как у всех мышей, а было прижато к голове. Из-за этого-то и звалась она Рваное Ушко. Злющая старая кошка сожрала всю мышкину семью — родителей, братьев, сестёр, — и с той поры мышка жила в большущем доме одна-одинёшенька.

Скучно было мышке в одиночестве, и часто она вздыхала, мечтая о том, как бы найти подругу для игр,

а ещё лучше — красавца жениха. Но от вздохов, увы, прок невелик, и ни подруги, ни жениха у Рваного Ушка так и не было.

Однажды, когда все в доме, в том числе и злющая кошка, спали, Рваное Ушко сидела в кладовке, грызла кусочек сала и горько сетовала на своё одиночество.

Вдруг она услышала тихий голосок:

— Хе-хе-хе! Экая ты глупая, слепая мышь! Да выгляни в окно — и увидишь красавца, краше которого в мире нет. Он тоже, как ты, одинок и был бы счастлив познакомиться с барышней-мышкой.

Рваное Ушко глянула вправо, глянула влево, посмотрела на тарелку, где лежало сало, заглянула под тарелку — никого нет. Выглянула в окошко — увидела большой многоэтажный дом, окна которого горели в закатном солнце, а больше ничего.

— Кто со мной говорит? Где ты? И где тот красавец, о котором ты сказал?

— Хе-хе-хе! — отозвался тот же голосок. — Да ты и впрямь слепая! Взгляни на потолок: я сижу как раз над тобой.

Подняла Рваное Ушко глаза: действительно, прямо над головой сидит большой муравей и смотрит на неё.

— А где красавец? — сгорая от любопытства, тихо спросила Рваное Ушко.

— На крыше того дома. Он сидит на водосточном жёлобе, а хвост наружу свесил, — ответил муравей.

Снова Рваное Ушко выглянула в окно — и вправду, на водосточном жёлобе, свесив хвост наружу, сидит

мышь с молодецкими усами и внимательно осматривает улицу.

— Скажи, муравей, почему он там сидит? — удивилась Рваное Ушко. — А вдруг он упадёт и разобьётся?

— Видать, тоже скучает в одиночестве, — ответил муравей, — поэтому сидит и высматривает, не покажется ли на улице какая-нибудь мышка.

Рваное Ушко взмолилась:

— Дорогой муравей, скажи, как мне пробраться к нему. А за это я тебе всё сало отдам.

Муравей задумчиво погладил передними лапками свои мощные челюсти, почесал задними брюшко и произнёс:

— На что мне твоё сало? Я его не ем. Я люблю сахар, мёд и повидло. Там, где я прохожу, тебе не пройти. Я пролезаю через замочную скважину, а для тебя она мала.

Но Рваное Ушко так упрашивала и умоляла муравья, что он в конце концов обещал подумать и завтра вечером сказать, как ей перебраться на соседнюю крышу.

И вот настал вечер. Мышка снова встретила в чулане муравья и с замиранием сердца спросила, знает ли он путь.

— Путь-то я, положим, знаю, — ответил хитроумный муравей. — Вот дашь мне леденец, тогда и укажу его.

— Ах! — жалобно воскликнула Рваное Ушко. — Да где же я его тебе возьму? Единственный леденец, о

котором мне известно, лежит у хозяйки на ночном столике. Встав утром, она всегда сосёт его, чтобы весь день у неё был сладким.

— Вот и принеси его мне! — холодно сказал муравей.

— Да как же я его принесу? — испуганно воскликнула Рваное Ушко. — В спальне ночует злобная старая кошка, которая сожрала моих родителей, братьев и сестёр. Чуть она меня услышит, мне тут же придёт конец.

— Как ты леденец добудешь, твоё дело, — равнодушно промолвил муравей. — Но пока я его не получу, ты не узнаешь, как пройти к жениху.

Как ни плакала, как ни просила, как ни умоляла Рваное Ушко, всё было напрасно: без леденца муравей отказывался рассказать дорогу. Делать нечего, побежала она, стараясь не стучать коготками, из чулана в кухню, из кухни в столовую, из столовой в кабинет, из кабинета в гостиную. А оттуда, ступая ещё неслышней, она прокралась в спальню.

Шторы в спальне были плотно закрыты, и человеку показалось бы, что там темно, хоть глаз выколи. Но мыши в темноте видят куда лучше, чем люди. И Рваное Ушко увидела, что её злейший враг кошка — о ужас! — не спит. Она лежит на красивой подстилке рядом с кроватью, куда Рваному Ушку надо залезть, чтобы добраться до леденца на ночном столике, — лежит, потягивается и хищно облизывается, словно она страшно голодна.

Не удержалась Рваное Ушко и со страху пискнула. Кошка пробормотала:

— Никак мышь в комнате? Я-то думала, что давно извела в доме всех мышей. Ну что ж, придётся поймать её.

И, собираясь встать, кошка потянулась.

Рваное Ушко до смерти перепугалась и обратилась к стулу, под которым сидела:

— Миленький стул, пожалуйста, скрипни чуть-чуть. Кошка подумает, что это ты тогда скрипел, а никакой мыши нет.

Сжалился стул над Рваным Ушком и легонько скрипнул. Кошка тут же снова легла, пробормотав:

— Ах, это, оказывается, стул скрипит... А я-то подумала — мышь. Ну, раз мышь мне только почудилась, можно спокойно засыпать.

Кошка ещё раз потянулась и мигом уснула.

А что же Рваное Ушко? Страшно ей: ведь, чтобы добраться до ночного столика, надо пройти мимо ужасной злющей кошки. Она боится, что от страха будет стучать коготками по полу и разбудит своего злейшего врага. Но леденец раздобыть надо, иначе она не узнает дорогу и навсегда останется одна! И Рваное Ушко решается промчаться по кровати и вспрыгнуть с подушки на ночной столик. Это будет не очень опасно: ведь на кровати спит хозяйка, а люди для мышей не так страшны, как кошки, потому что люди медлительней и сон у них крепче.

И вот Рваное Ушко прокралась к кровати. По кровати ножке, цепляясь коготками, забралась на постель. Ну а тут мягкое одеяло и подушка, так что можно не опасаться, что коготки будут стучать. Рваное Ушко бежала быстро-быстро, потому что мыши вообще очень быстро бегают, но, забыв про осторожность, задела хвостом хозяйку по носу. Той стало щекотно, она чихнула, проснулась и, решив спросонок, что в постель забралась кошка, крикнула:

— Кыш! Кыш!

А кошке сквозь сон показалось, что хозяйка зовёт её: „Кис-кис!“, и она одним прыжком оказалась в постели. Хозяйка рассердилась, ударила кошку и закричала:

— Пошла прочь, негодница!

Кошка ничего не понимает: сперва её зовут, а потом гонят да ещё и шлёпают. От обиды и от злости она мяукнула. Тут на соседней кровати проснулся хозяин и воскликнул:

— Опять эта противная кошка залезла в постель? Ну, я ей задам!

Вскочил он, зажжёт свет, схватил ночную туфлю и принялся охаживать кошку. Та взвыла не своим голосом.

Что тут началось!

Кошка мяукает и носится по комнате, хозяин с ночной туфлей в руке гоняется за ней, а мышка под этот шум схватила в зубы леденец, спрыгнула с ночного столика и наутёк в приоткрытую дверь. Выскочила, села, послушала, какая в спальне суматоха, и очень ей стало приятно, что её злейший враг получил взбучку.

— Вот видишь, — заметил муравей, когда Рваное Ушко принесла ему в зубах леденец, — всё оказалось очень просто, а ты ломалась... Кстати, ты, надеюсь, ни кусочка не откусила?

И муравей тщательно осмотрел леденец со всех сторон. Но он был целёхонек: Рваное Ушко его даже не лизнула, хоть и тащила в пасти. В награду за труд она потребовала, чтобы муравей рассказал, как ей перебраться на соседнюю крышу.

— Это проще простого, — ответил муравей. — Ты ведь знаешь, что хозяин держит на чердаке голубей и они весь день летают куда хотят. Попроси какого-

нибудь голубя — а они птицы хорошие — перенести тебя на спине.

Получив такой превосходный совет, Рваное Ушко со всех ног помчалась по лестнице на голубятню. А муравей побежал созывать своих сородичей, чтобы до утра успеть перетащить по кусочкам леденец в муравейник.

Было уже темно, голуби сидели в голубятне и переговаривались между собой: „Руккедигук! Гуккедирук!“ Они обсуждали, куда полететь утром за кормом. На огороде у озера посадили горох, но вопрос, как к нему подобраться: там всё время бродит огромный рыжий котиче и подкарауливает голубей.

— Руккедигук! — негодовали голуби. — Никакого житья не стало от кошек! И что только люди находят в этих мерзких тварях? Гуккедирук!

— Полностью с вами согласна, — проскользнув в голубятню, вступила в разговор Рваное Ушко. — Меня сегодня тоже чуть было не сцапала кошка. Спасибо, стул скрипнул и спас. В этом доме всюду подстерегают страшные опасности, и жить мне здесь уже невмogu. Может быть, кто-нибудь из вас рано утречком перенесёт меня на спине на крышу соседнего дома?

— Руккедигук! — переполошились голуби. — В голубятню забрался вор! Он, коварный, хочет заговорить нас, а потом выпьет яйца!

Но Рваное Ушко сказала голубям, что она им не враг, а яиц не ест, и ещё раз попросила перенести её через улицу на соседний дом.

— Руккедигук! — обрадовались голуби. — Если ты не тронешь наших яиц, мы поможем тебе. Но сейчас уже поздно, окошко голубятни закрыто. Приходи рано утром. Гуккедирук!

Рваное Ушко вежливо поблагодарила голубей и отправилась спать к себе в норку, которая находилась в кухне за кухонным буфетом. И всю ночь ей снился усатый красавец жених.

Кошка в наказание за то, что прыгнула к хозяйке на кровать, получила выволочку, и вдобавок её вышвырнули из спальни. Злая и обиженная, она сидела за дверью. Все тело у неё болело. „Меня обвиняют, —

размышляла она, — в том, что я задела хозяйку по лицу хвостом, но я-то знаю, что этого не делала. Кто же тогда?“ И тут кошка вспомнила, как ей слышался мышиный писк, но потом она решила, что это скрипит стул. „А может, это и вправду была мышь, — подумала кошка, — и она сыграла со мной такую злую шутку? Обойду-ка я дом, поищу, может, наткнусь на её след“.

И кошка, бесшумно ступая, пошла по дому, а её огромные зелёные глазищи горели ярко, как фонари, так что, несмотря на темноту, она всё-всё видела. Она заглядывала во все углы, нюхала под каждым шкафом и наконец воскликнула:

— Нашла! Мышиным духом пахнет! Ах какой приятный запах! Милая мышка, выйди ко мне, мы станцуем с тобой танец „кошки-мышки“!

Но Рваное Ушко не слышала злую кошку, которая хотела её съесть. Она сладко спала у себя в норке, и ей снился красавец жених.

Поскольку никто не отозвался на коварное приглашение потанцевать, огорчённая кошка пошла дальше и проскользнула в чулан. Там была страшная суета: тысячи муравьёв собрались, чтобы получить по кусочку красного леденца. Грозным начальническим тоном кошка спросила:

— Это ещё что за пир и беготня среди ночи, когда полагается спать? А известно ли вам, что по ночам не спят только разбойники?

Но муравьи ничуть не испугались, они знали, что

кошки не едят муравьёв, потому что предпочитают пресное, а муравьи, как известно, на вкус кислые.

— Хи-хи-хи! — засмеялись они. — Старая толстая кошка, ты тоже бродишь ночью, вместо того чтобы спать. Значит, ты тоже разбойница.

— Я — другое дело, — строго заметила кошка. — Хозяин назначил меня ночным сторожем, чтобы в дом не залезли воры. А что это за красный леденец вы тут объедаете? Мне сдаётся, что он краденый.

— Это мой леденец! — воскликнул хитроумный муравей. — Я получил его за то, что дал хороший совет.

— Это хозяйкин леденец, и он лежал на её ночном столике, — ещё строже отрезала кошка. — А ну, выкладывай, кто тебе его дал! Не скажешь — тут же заберу, а скажешь, — так и быть, оставлю.

Испугавшись, что кошка отнимет леденец, хитрюга муравей предал Рваное Ушко и рассказал всё, что знал. Кошка страшно рассвирепела, поняв, что за полученную взбучку должна благодарить мышь, и тут же спросила у муравья:

— А ты, случайно, не знаешь, где у этой мыши норка?

— Нет, — ответил он. — Но мы, муравьи, можем пробраться куда угодно, и ни одно живое существо, если только оно не летает по воздуху или не плавает в воде, не способно укрыться от нас. Я пошлю моих братьев, и они мигом разыщут норку.

Муравьи расползлись в разные стороны, и очень

скоро один из них прибежал и сообщил, что норка находится под кухонным буфетом.

— Так я и думала, — пробормотала кошка. — То-то из-под него несло мышиным духом.

Кинулась она в кухню, но как ни старалась, как ни пласталась, как ни протискивалась, в щель пролезть ей не удалось: слишком та была узкая.

— Что же делать? — огорчилась кошка. — Я должна получить эту мышь, даже если это будет стоить мне блюда вкуснейшего сладкого молока!

— Если ты позволишь нам утром попить сладкого молока, — вмешался хитроумный муравей, — я помогу тебе.

Кошка поклялась отдать всё молоко, которое получит на завтрак, и тогда муравей сказал:

— Сейчас один из нас пойдёт и укусит мышку за ухо. Она спросонья испугается, выскочит — тут-то ты её и поймаешь.

Сказано — сделано. Послали молодого муравья, а кошка устроилась в засаде перед кухонным буфетом, и глаза у неё разгорелись ещё ярче, чтобы стало светлее и сразу можно было заметить выбежавшую мышь. Ждёт кошка, ждёт... Минута прошла, вторая, третья, пять минут прошло, наконец из-под буфета выползает посланный муравей.

— Ах ты лентяй! — накинулся на него муравей-хитрюга. — Не сумел разбудить мышь! Силы у тебя в челюстях не стало или кислоты в брюшке, что ты не

смог какую-то несчастную мышь так куснуть да прижечь, чтобы она выскочила как ошпаренная?

Посланный муравей стал оправдываться, говоря, что он и кусал изо всей мочи, и кислотой брызгал, но мышь спит как ни в чём не бывало. Послали второго муравья, но и тот вернулся ни с чем: мышка не проснулась. А дело было вот в чём: она спала на боку и открытым у неё было только одно ухо — как раз то, которое ей порвала кошка, за что мышка и получила имя Рваное Ушко. И это ухо совершенно не чувствовало боли, так что муравьи могли кусать его сколько вздумается — мышка продолжала спать и видела приятные сны.

В конце концов пошёл кусать сам хитроумный муравей, но и ему повезло не больше, чем остальным. Возвратился он и говорит кошке:

— Сколько мы ни кусали, мышка спит и даже ухом не ведёт. Но я знаю другой способ, как её поймать. Если я его тебе открою, ты нам отдашь вкусное сладкое молоко?

Кошка пообещала:

— Если я поймаю мышь, пейте сколько влезет.

Обрадовался муравей и говорит:

— Рано утром мышь побежит на голубятню: голуби обещали перенести её на соседнюю крышу. Вот ты подкарауль её там и поймай.

— Отлично! — воскликнула кошка. — Только ловить её придётся перед голубятней, а то хозяин стро-

го-настрою запретил мне заходить туда. Если он увидит меня около голубей, задаст большую взбучку.

— У тебя будет время поймать её на лестнице, — заметил хитроумный муравей. — Спокойной ночи.

Все отправились отдыхать. Кошка выбрала на диване самую мягкую подушку и уснула. А хитрюга муравей решил дожидаться утра на лестнице, чтобы сразу напомнить кошке про обещанное молоко.

Утром хозяин поднялся раньше всех и пошёл на чердак открыть в голубятне окошко, чтобы выпустить голубей. А так как у человека глаза на голове, а не в подошвах, он не заметил хитроумного муравья, наступил на него и задавил. Тот успел только воскликнуть „ах!“ и умер. Так был наказан коварный муравей за то, что предал Рваное Ушко и выдал её тайну злой кошке.

Но хозяин даже не почувствовал, что задавил муравья. Он распахнул окошко, и все голуби вылетели, кроме одного, который беспокойно кружил по голубятне, приговаривая:

— Руккедигук, где же мышка? Мне пора лететь, гуккедирук!

Хозяин, не понимавший голубиною воркования, удивлённо спросил:

— Что с тобой?

И тут со всех ног вбежала мышка, а следом за ней кошка. Забыв в охотничьем азарте о запрещении хозяина, она ворвалась в голубятню. Хозяин тотчас

схватил палку и ну давай кошке лупить. Кошка взвыла. Рваное Ушко вспрыгнула голубю на спину, тот взмахнул крыльями и вылетел из голубятни. Спасаясь от палки и надеясь поймать ненавистную мышь, кошка скакнула вслед за ними, но, поскольку крыльев у неё не было, шмякнулась с высоты шестого этажа на землю.

А Рваное Ушко перелетела на голубе на соседнюю крышу и встретила со своим красавцем женихом. Они поженились, и у них было столько детей, что никто из них никогда не чувствовал себя одиноким.

Валентин Катаев

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Жени-

ны с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали чересчур лёгкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, старушка:

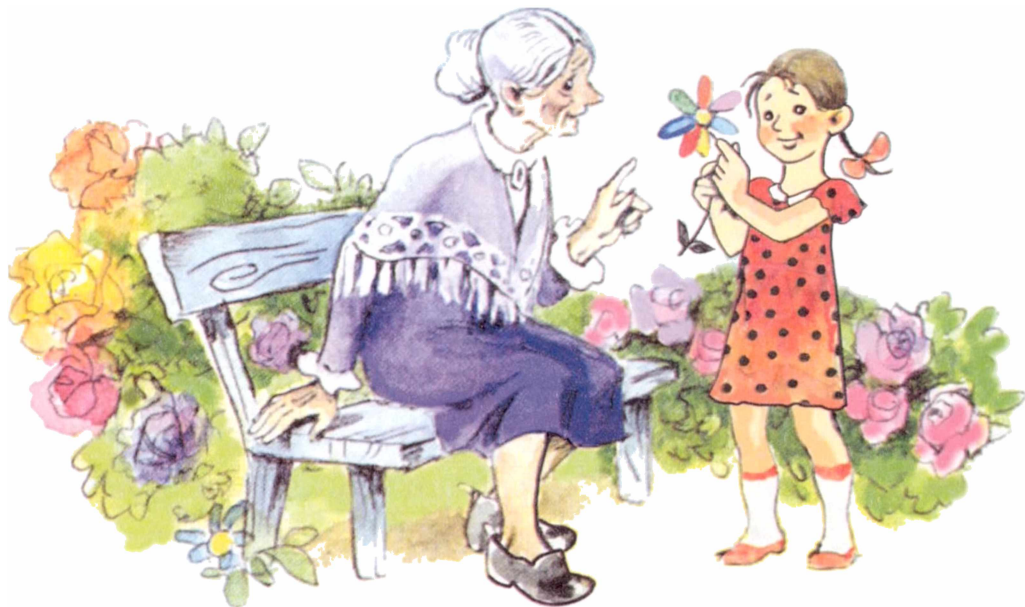
— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала. Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется „цветик-семицветик“, он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, зелёный, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас сделается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: „Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!“

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминной вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тяпа-растяпа! — закричала мама из кухни.— Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни — глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчики, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?

— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.

— Значит, не принимаете?

— Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

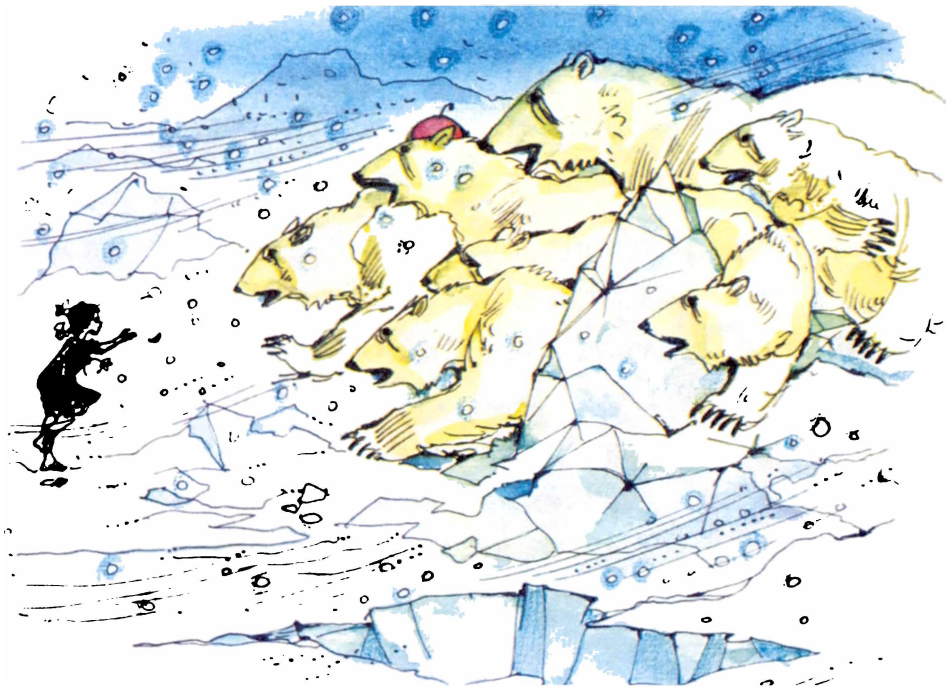
— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была, в летнем платье, с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвёртый — потёртый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчишки на неё смотрят и смеются:

— Ну, где же твой Северный полюс?

— Я там была.

— Мы не видели. Докажи!

— Смотрите — у меня ещё висит сосулька.

— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор — водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трёхколёсный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

„Ну,— думает,— я вам сейчас покажу, у кого игрушки!“

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: „папа-мама“, „папа-мама“. Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме куклиной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из других городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам страны. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало.

За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трёхколёсные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планёров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и

деревьях. Движение в городе остановилось. Постоявые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки всё валяли и валяли. Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

*Вели, чтобы игрушки поскорей убирались обратно
в магазины!*

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила, и никакого удовольствия. Ну ничего. Вперёд буду умнее.

Пошла она на улицу, идёт и думает:

„Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило „мишек“. Нет, лучше два кило „прозрачных“. Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило „мишек“, полкило „прозрачных“, сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трёхколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по прав-

де сказать, какой толк в новых сандалетах?! Можно велеть чего-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться“.

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный,— сразу видно, что не драчун,— и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя.— Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик.— Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели!

Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

СОДЕРЖАНИЕ

Времена года

<i>М. Ю. Лермонтов.</i> Осень	4
<i>А. А. Фет.</i> Ласточки пропали, а вчера зарей	5
Мама! Глянь-ка из окошка	7
Кот поёт, глаза прищуря	9
<i>А. С. Пушкин.</i> Зима!.. Крестьянин, торжествуя	6
<i>А. Н. Плещеев.</i> Весна	7
<i>Ф. И. Тютчев.</i> Зима недаром злится	13
Весенние воды	15
<i>С. А. Есенин.</i> С добрым утром!	17

Страна детства

<i>Б. Житков.</i> Как я ловил человечков	20
<i>Е. Пермяк.</i> Пичугин мост	30
<i>Л. Пантелеев.</i> Честное слово	34
<i>В. Медведев.</i> Обыкновенный великан	44
<i>Р. Погодин.</i> (Из книги „Кирпичные острова“)	
Кто нагрел море	53
Неприятностей не оберёшься	56
<i>В. Драгунский.</i> (Из книги „Денискины рассказы“)	
Куриный бульон	61
Третье место в стиле баттерфляй	69
<i>Н. Носов.</i> Метро	72
Саша	77

Мир вокруг нас

<i>М. Пришвин. Хромка</i>	88
О чём шепчутся раки	91
<i>Г. Скребицкий. Кот Иваныч</i>	95
<i>Н. Сладков. Медведь-дармояд</i>	103
Тень	105
<i>В. Драгунский. Дымка и Антон</i>	108

В мире сказки

<i>А. С. Пушкин. Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях</i>	112
<i>Р. Киплинг. Откуда у кита такая глотка</i>	136
Слонёнок	142
<i>Г. Фаллада. История про мамину сказку (перевод с немецкого Л. Цывьяна)</i>	156
История про мышку Рваное Ушко (перевод с немецкого Л. Цывьяна)	162
<i>В. Катаев. Цветик-семицветик</i>	177

Maktab kutubxonasi

SINFDAN TASHQARI O'QISH

2

Rus tilida

Ikkinchi nashri

*Издательско-полиграфический творческий дом „O'qituvchi“
Ташкент — 2011*

Составитель О. Э. ВУЛЬФ

Художник

Геннадий Георгиевич Жирнов

Редактор *О. Вульф*

Художественный редактор *Г. Шоабдурахимова*

Технический редактор *Т. Грешникова*

Корректор *В. Тараненко*

Компьютерная верстка *Ш. Юлдашевой*

Издательская лицензия АІ № 161. 14.08.2009. Подписано в печать с оригинала-макета 14.02.2011. Формат 70×90^{1/16}. Кегль 15 н/шпон. Гарн. Школьная. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12,0. Усл. п. л. 14,04. Изд. л. 9,3. Тираж 5000. Заказ №11–11.

Издательско-полиграфический творческий дом „O'qituvchi“ Узбекского агентства по печати и информации. Ташкент — 129, ул. Навои, 30.// Ташкент, массив Юнусабад, ул. Янгишахар, д. 1. Договор № 07–11–11.